

A photograph of a dirt road with tire tracks leading towards a bright sunset over a green field. The sun is low on the horizon, creating a golden glow and long shadows. The sky is filled with scattered clouds, some of which are illuminated by the setting sun. The overall mood is peaceful and hopeful.

Команда доктора Уолтера

Бронислава Бродская

Бронислава Бродская

Команда доктора Уолтера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30077446

SelfPub; 2018

Аннотация

Роман о научных свершениях, настолько сложных и противоречивых, что возникает вопрос – однозначна ли их польза для человечества. Однако прогресс остановить невозможно, и команда лучших ученых планеты работает над невиданным в истории проектом, который занимает все их помыслы. Команда – это слепок общества, которое раздирается страшными противоречиями середины 21 века: непримиримыми конфликтами между возрастными группами, когда один живет в 3 раза больше другого, а другой, совершенно не старясь, умирает до срока. Решение мучительно, потому что оно безвозвратно. Выбирай, когда тебе умирать! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Понедельник	4
Стив Уолтер	4
Люк Дорсье	16
Риоджи Найори	24
Роберт Клин	37
Наталья Грекова	47
Вторник	91
Стив	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Понедельник

Стив Уолтер

Стив Уолтер сегодня с утра чувствовал себя не в своей тарелке. Не то, чтобы у него что-то болело, но проснулся он неотдохнувшим, вялым и долго лежал, прислушиваясь к себе. Жены рядом не было и Стив, даже еще не посмотрев на часы, понял, что уже довольно поздно. Полное отсутствие бодрости обещало очередной постылый, медленно текущий понедельник. Вставать не хотелось, хотя из кухни тянуло запахом свежемолотого кофе и гренками. Алисия, видимо, уже давно встала.

– Стив, Стив, вставай. Я же знаю, что ты проснулся. Нечего валяться, ты же сам говорил, что у тебя сегодня важный день. Стив...

Веселый, и отчего-то возбужденный с утра пораньше, голос жены немедленно начал его раздражать. И чего радуется дура? Не дай бог придет в спальню и начнет тянуть с него одеяло. С нее станется. Шутливая такая как бы игра молодых любовников. Нет, не пришла... и на том спасибо. Стив мед-

ленно, кряхтя выбрался из кровати и отправился в ванную. Дом у них был старый, добротный и большой, гораздо больше, чем Стиву сейчас было необходимо. Алисия иногда приглашала много гостей, все стояли в гостиной с бокалами в руках, смешки, никчемные разговоры, непременно какой-то особый приглашенный: пианист, певица, модный писатель. Алисия обожала светскую жизнь и почему-то считала, что и Стив в восторге от ее журфиксов со знаменитостями. Наверное он мог бы ей раз и навсегда объяснить, что эти дурацкие разодетые толпы, раз в месяц с удовольствием пьющие их вино, его бесят, но что толку ей это говорить. Себе дороже. Разговоров с женой Стив старался избегать. Пусть все идет как идет. В последнее время ему стало казаться, что все изменения всегда ведут к худшему.

В эту ночь он опять встал три раза, чтобы сходить в туалет. Было ощущение полного мочевого пузыря, а потом только слабая, тонкая, прерывистая струя мочи! Хватит уже себя обманывать: натуральная аденома. Пора начинать этим серьезно заниматься. Он пошел в душ, постоял под струями горячей воды, льющейся под приличным напором на его все еще крепкие плечи. Обмотав бедра полотенцем он подошел к зеркалу и начал бриться. На него смотрело лицо пожилого мужчины с тонкими, еще довольно красивыми чертами, седые волосы значительно поредели, отступили к затылку, открыв широкий выпуклый лоб. Вокруг рта залегли глубокие морщины, глаза за припухшими веками выглядели

небольшими. Сквозь очки, которые Стив носил постоянно, было даже не различить их цвет. Когда-то они были ярко голубыми, а сейчас выцвели и постоянно немного слезились. "Пожилой" ... черта с два! Очень старый человек! По современной классификации "геронт". Причем "молодой" геронт, всего 95 лет. Работает, да еще как. Энергии поубавилось, а интеллект даже возможно острее, чем прежде. Да и какие его годы! Для геронта 95 – не возраст. У них в группе трое геронтов и он из них самый молодой.

– Стив, сколько можно тебя ждать! Я скоро уйду. Будешь со мной завтракать или нет? Просто скажи...

Голос Алисии стал уже совсем нетерпеливым. А что, сказать ей что ли, чтобы завтракала без него и уходила куда хочет? Каким было бы блаженством посидеть одному за столом, не отвечать на ее докучливые вопросы, имитируя благодушие. Нет, так нельзя. Алисия ничего ему плохого не сделала. Он с ней уже около двадцати лет. Перед Стивом поплыли картинки первого этапа их романа, он заулыбался, забыв о несносном настойчивом голосе, но Алисия снова его позвала и поток сентиментальных воспоминаний прервался. Беспокоился Стив зря. Жена была чем-то озабочена и явно торопилась. Минут через десять она ушла, объяснив ему куда, но Стив прослушал, его сознание только зафиксировало, как хлопнула входная дверь. Он, не торопясь, положил посуду в машину, убрал в холодильник сок и сполоснул кофейник.

В гараже его ждал неприятный сюрприз. Правое переднее колесо его новой японской машины спустило и теперь нужно было решать: вызывать службу или менять его самому. Черт, и где его угораздило? Он уже достал телефон, чтобы парни в комбинезонах, лиц которых он даже не запомнит, быстрее приезжали и все сделали, но внезапно передумал. Ну, что это с ним в самом деле? Совсем распустился. Пока они приедут, пока то да се... полтора-два часа долой, а его ждут на работе. Сегодня важный день. Последние приготовления к пятнице. Он и так задержался, Риоджи и Роберт уже конечно в лаборатории, удивляются, что его до сих пор нет. Странно, что не звонят. Не звонят, потому что держат фасон. Они все, дескать, уже давно имеют право работать по своему собственному расписанию и никому не отчитываться. Так-то оно так, это правда, но не вся. На самом деле, они – команда и не могут работать автономно, результаты работы зависят от каждого из них и по-другому быть не может.

Стив внезапно заторопился. Отпустил тормоза и налегая плечом на раму переднего окна водителя, выкатил машину вручную, вновь поставил ее на тормоз, открыл багажник, вытащил домкрат и быстро начал качать. Сейчас вроде существуют какие-то автоматические устройства, но у него их нет. Заболела нога и сбилось дыхание. Бок машины поднялся, она вся заваливалась влево. И зачем он только связался с самостоятельной заменой колеса... разошелся, старый идиот, хотел что-то себе доказать. Стив достал из багажни-

ка запаску, с натугой вытащил ее наружу и с отвращением вспомнил, что были времена, когда он вес колеса даже не замечал. Спустившее колесо было массивнее запаски, оно тяжело упало на землю и чуть ударило Стива по ноге. Какой же он стал неуклюжий слабак, прямо стыдно. Новое колесо он крепко затянул и так и не убрав проколотое, выехал на дорогу. День начинался не слишком удачно.

В лаборатории тоже наверное что-то не так. Стивом овладели дурные предчувствия, хотя по опыту он знал, что грош им цена. Иногда наоборот все кажется просто прекрасным, а через час тебя ждет неприятность, как говорили его правнучки "засада" a big banana skin.

Около здания онкологического центра Вайнберга Стив припарковался и заспешил на 6 этаж в свою лабораторию. Ага, он так и знал: Роберт с Риоджи стояли у контейнеров, где за стеклом просматривалась человеческие органы. Да на что тут смотреть. На столе сияли три больших монитора, и на каждый была выведена часть био-технологического процесса: температурный режим, состав питательной жидкости, характеристики органа на данную минуту. Печеней было пять, каждая предназначена для своего реципиента. Первому они пересадят орган в пятницу, остальным на следующей неделе.

Для непосвященных картинка была совершенно непонятными, но красивыми. Ядра плюрипотентных стволовых клеток мерцали синим, зрелые клетки печени – зеленым, все еще активно делящиеся клетки – красным. Сейчас красного

было не так много. Печень уже почти не росла. Доктор Риоджи Найори научился поддерживать нормальную функцию живых клеток печени, внедряя их в фибробластные клетки мышей. Люк Дорсье, биохимик, единственный ювенал среди ученых, занимался подбором различных элементов для выращивания питательной среды. Стив оглянулся вокруг, но Люка нигде не было видно. Швейцарца нельзя было не уважать, но иногда его легкомысленность действовала геронтам на нервы. Стив, Риоджи, Роберт, Люк и натурал Майкл, специалист по получению объемного моделирования органа в 3Д, их было всего пятеро на уровне задачи: у печени черт знает сколько функций и надо, чтобы их искусственный орган смог их все поддерживать. Как же долго у них ничего не получалось: гепатоциты делились, но потом процесс почему-то тормозился и клетки просто не вызревали. Что они только не делали. Но теперь вроде все было неплохо. А какой проблемой было заставить реципиента вырастить новые сосуды, способные питать кровью новый орган. Стив бился над этим долгие годы, соединял волокна эндотелия с новой тканью и они превращались в настоящие сосуды.

Их команда работала над проектом по выращиванию человеческих органов из стволовых клеток. Почка, роговица, фрагменты костной ткани и печень. Сейчас Стив смотрел только на печени. Еще несколько дней и процесс должен быть завершен. Печень в пятницу пересадят пациенту, хотя пока непонятно, кому именно. Это попахивало Нобелем, но

статистики было совершенно пока недостаточно. Операции не были эффективны и Нобель получали другие. Но сейчас будет по-другому.

Они впятером отвечали за орган, сам процесс пересадки Стива интересовал меньше. Что там, собственно особо делать, хирурги не подкачают, но и от них многое зависело. К ним как раз подошел Алекс Покровский, один из самых известных специалистов в области трансплантации печени. Высокий широкоплечий блондин, в небольших, едва заметных на лице, очках. Классно выглядит, молодой, полный сил, способный хирург, но совершеннейший американец, практичный и не сильно образованный. Себя-то Стив считал британцем, а это совершенно другое дело. Алексу было 72 года, а выглядел он максимум на 25. Убежденный "ювенал". Что ж, его право. И что он тут вертится под ногами. Сейчас что-нибудь дурацкое скажет...

– Привет, ребята.

– Привет, Алекс. Волнуешься? – это Роберт.

– Доктор Покровский! Рад вас видеть. – это Риоджи.

– Слушайте, ребята, осталось несколько дней, а мне кажется, что размер пока не очень...

Вот зачем он это сказал? Как будто под-руку. На монитор даже не посмотрел, определил на глазок. Не дай бог сейчас каркать начнет... не выйдет, не выйдет... Нет, не начал. Зна-

ет, что сейчас не место и не время. Стив злился, но знал, что, если кто-то и ответит Алексу, это будет он. Роберт и тем более Риоджи промолчат.

– Алекс, ну хватит тебе. На этот раз у нас все получится. Я чувствую. А потом у нас же несколько кандидатов. Есть совсем небольшая женщина, для нее маленькая печень будет в самый раз. Решим это позже.

Этот Алекс как и все хирурги, пусть даже и самые прекрасные, просто ремесленник с ловкими руками, хорошей реакцией и с большим или меньшим опытом. В науке они ноль и напрягать голову никогда не желают. И правильно делают: твое дело – пересадить, а какую печень и кому... это не ты решаешь. Досада не уходила, и Стив знал, что все сейчас подумали об одном и том же: о серии неудач, причиной которых становился недостаточный размер органа, играющий роковую роль. По большому счету Алекс был прав. Вопреки ожиданиям орган не развивался и вскоре становилось очевидно, что в теле взрослого человека он не справляется со своими функциями. Выживаемость была низкой, в течении пары недель больной умирал и хвастаться им всем особо не приходилось.

Где этот чертов Люк? Как руководитель программы Стив сейчас ловил себя на остром желании все при встрече задавать Дорсье высказать, но в глубине души знал, что ниче-

го Дорсье не скажет. Молодой, небрежный, полный жизни и сознания собственных возможностей, Люк был слишком блестящ, чтобы выслушивать чьи-либо замечания, тем более, что профессионально его было не в чем упрекнуть. Люк – ученый и Люк – плейбой не сочетались и с этим приходилось мириться, нравилось это Стиву или нет.

Стив пробыл в лаборатории до обеда, видел, как все разошлись, потому что на работе делать было особо нечего и тоже решил сворачиваться. Как все-таки глупо, что он проколотое колесо дома оставил. Сейчас было бы еще не поздно заехать в мастерскую, чтобы его починили, или не чинить... сразу новое купить... В таких вещах Стив не очень-то разбирался.

На улице было нежарко. Он позвонил Алисии, но та ему что-то защебетала о своей крайней занятости... домой она приедет поздно, и он должен ужинать один: "Ты, милый, не обижаешься? Не обижаешься? Хочешь, я все брошу и приеду? А хочешь, мы с тобой куда-нибудь сходим? Хочешь?". Господи, ничего он хотел. На секунду Стиву пришла в голову мысль, что у Алисии кто-то есть, он с этой мыслью немного "поиграл", но убедившись, что ни Алисия, ни ее гипотетический любовник его совсем не трогают, решил поужинать в городе и ехать домой. Стиву внезапно захотелось есть и он зашел в первый попавшийся ресторан, где никогда раньше не был. Или был? Наверное все-таки был. В Балтиморе Стив жил уже довольно давно и ему было трудно предполо-

жить, что в центре еще оставались рестораны, которые он не знал. Почему-то ему захотелось точно вспомнить, был он тут или нет. Но память ничего ему не подсказывала. Все, что касалось работы, он помнил, про семью, жен и детей тоже помнил, а вот тривиальные мелочи жизни стали ускользать. Конечно в 95 лет это нормально, но забывчивость оказалась для Стива в одном ряду с тяжестью колеса, которое он сегодня утром, преодолевая усталость и одышку, менял. Ресторан "Кафе – 300", дурацкое, ни о чем не говорящее название, был почти пуст. Ага, заведение "смешанное", не выделяющее ни одну категорию населения. Все эти новомодные деления на "добро пожаловать, геронты" или "добро пожаловать, ювеналы" Стив не одобрял. В обществе и так наметились разобщающие тенденции, зачем их усугублять. Как это глупо! Он мысленно пообещал себе поговорить об этой проблеме с Ребеккой, их психологом, специалисткой по возрастным особенностям членов группы и их влиянию на работу команды. Девчонке 25 лет, и именно поэтому она возможно больше него во всем этом беспорядке разбирается.

К Стиву подошел официант, его сморщенное лицо улыбалось заученной автоматической улыбкой, которая казалось застывшей гримасой подобострастия. Зубы явно вставные, но плохо сделанные, слишком белые и безупречные. Руки в коричневой "гречке", спина сутулая, не так как бывает у высоких людей, а просто согнутая от старости, образующая небольшой острый горб. Из форменной белой рубашки тор-

чит тощая морщинистая шея. Ничего себе... официант-геронт. Такое редко увидишь. Сколько ему может быть лет? Больше ста, это точно. Спросить неудобно. Как вообще могло получиться, что старик до сих пор вынужден работать? У него совсем никого нет? Денег категорически не хватает, потому что в невероятно увеличившемся процентом геронтов социальные пенсии стали совершенно мизерными, на них уже просто нельзя прожить.

Старик сновал туда-сюда с подносами, было видно, что ему трудно, и Стив пообещал себе оставить приличные чаевые. Старика было жалко, но к чувству жалости примешивалась брезгливость. Конечно обстоятельства жизни этого человека Стив не знал, но мужик решил стать геронтом примерно в то же время, что и он сам т.е давно, когда инъекции еще даже не были рутинными. За такую инъекцию нужно было выложить немалые деньги. Откуда он их взял, а главное, зачем он это сделал? Одно дело они с Робертом или Риоджи: ученые с мировым именем, уверенные, что смогут принести пользу современной цивилизации, а другое дело... такие вот никчемности, пожелавшие длить свою дурацкую убогую жизнь. Зачем им это понадобилось? Наверное, мужик когда-то был военным, там, говорят, возможность инъекции предлагали за особые заслуги, и люди соглашались, не особенно вникая в последствия: "Я буду жить долго-долго... это заманчиво...". И что еще могли думать мало образованные солдаты: выслужу пенсию, женщины и веселая жизнь,

потом большая семья... А он сам, разве по-другому думал? Сейчас Стиву казалось, что по-другому.

В десять часов приехала домой Алисия, долго рассказывала ему о своем дне. Стив чувствовал, что надвигается "журфикс". "А у тебя как дела, милый?" – спросила жена. "У меня все нормально" – ответил Стив и пошел спать. Они с Алисией спали в одной комнате, но секса это не предполагало. Стив, думая о завтрашнем дне в лаборатории, успел, засыпая, поразмышлять об этом пресловутом сексе, значение которого в современном мире, явно преувеличивалось. А может это ему так в 95 лет кажется.

Люк Дорсье

А Люк Дорсье был с утра в спортзале. Когда он проснулся у него было поползновение сразу же отправиться на кампус Джона Хопкинса в лабораторию, но потом он раздумал. Потребность размять свое молодое здоровое тело ощущалась императивной, а лаборатория подождет. Понятное дело Стив и прочие старперы будут злиться, но он это как-нибудь переживет. Если на каждого брюзгливого геронта, жизнь которых давно только в работе, обращать внимание, то жизнь превратится в кошмар. Только этого не хватало. Ему только 59 лет, еще поживет. Подумав о своем возрасте, Люк как обычно расстроился: "не еще только 59, а уже 59". Поживет или как раз наоборот. Кто это знает, хотя нет, он, Люк как раз знает, не так уж долго ему осталось. Он упрямо качнул головой, отгоняя от себя ужасную мысль о смерти и с новой силой продолжил качать дельтоид, его гордость – красивую мышцу плеча, образующую его наружный контур. У большинства людей плечи выглядят как вешалка для пальто. А у него плечи заметны в любом ракурсе, огромные прорисованные дельтоиды делали корпус Люка внушительным, чисто мужским украшением. Люди, особенно натуралы, смотрели на него со смесью зависти и неприязни. Да вам-то кто мешает? Ходите каждое утро в зал и работайте со штангой.

Люк знал, что его коллеги считают занятия со штангой дурацким, недостойным настоящего ученого, делом. Да, какая разница, что эти хануры считают.

Люк принял душ, перекусил в Старбаксе и поехал на работу. В лаборатории царил довольно напряженная, нервная атмосфера. Стив посмотрел на Люка тяжелым укоризненным взглядом, но сейчас же отвел глаза. Ну давай, директор... скажи мне что-нибудь... ага, молчишь? Что и требовалось доказать. Люк сел за компьютер и тотчас же все суетные мысли отошли в его сознании на задний план. Сейчас его интересовал только процесс. Все выглядело в пределах нормы. Люк защелкал мышкой, перед ним замелькали графики и диаграммы, он и не заметил, как прошло несколько часов. Захотелось есть. Надо было выйти поесть. Мимо шел Майкл Спарк, 28-летний натурал.

– Эй, Майк, пойдешь со мной в ресторан?

Парень не любил, чтобы его называли Майк, но Люк делал вид, что к нему это не относится. Майкл кивнул, но Люк знал, что на самом деле, если бы не надежда, что богатенький ювенал с расслабленным и неприятно мягким французским акцентом, заплатит за его ланч, он бы с ним ни за что не пошел. Да, заплатит он, заплатит, хотя Майкл и сам прилично зарабатывает... парень жмот! А с кем еще выйти. Геронты куда-то все разошлись. Он бы был не против выйти с

Ребеккой, но она, дура, всегда с душкой Алексом. Интересно, знает ли она, что Алекс – ювенал, может и нет, Алекс старательно свой возраст скрывает. На самом-то деле товарищу за семьдесят. В лаборатории сидела одна Наталья, но с ней он идти никуда не хотел. Ювеналка Наталья была ему чем-то неприятна. Люк ни за что бы не признался себе, что она его раздражает своей агрессивной молодостью, неизбывным желанием всегда быть на высоте, красивой, независимой и желанной. И он того же хотел, но в другом человеке, особенно в женщине, эти амбиции его буквально бесили. Наталье 68 лет, она старше его на целых десять лет, а вовсе и не думает умирать. А его-то какие годы! Нельзя так часто раскисать.

Они с Майклом вошли в небольшой ресторан недалеко от университета. Выбор Майкла – вокруг одни молодые, но наметанным взглядом Люк различил разницу: молодые-то, они молодые, но все эти ребята вокруг были не ювеналами, как он, а натуралами. Они были молодыми, а не выглядели ими. У Майкла здесь были знакомые, кто-то подходил к их столику, Майкл отходил, с кем-то шептался. Люку казалось, что на него косо смотрят. Он знал, что в прекрасной форме, обычно никто не замечал разницы. Да и не было никакой разницы между натуралом и ювеналом. Внешне не было. Впрочем потом, как только он начинал с ребятами разговаривать, все становилось ясно. Лица собеседников замыкались, становились настороженными и недобрыми. Люк бы поел и ушел, но Майкл скорее всего ребятам его "продал", нарочно сказал,

что он пришел сюда с ювеналом. Вот зачем он так сделал? А затем, что он их всех ненавидит. Майкл никогда с ним о таких вещах не говорил, но Люк повидал жизнь, знал людей и чувствовал, что его подозрения не напрасны. Плевать он хотел на их неприязнь.

Люк родился в Женеве в 72 году, в довольно состоятельной семье. Его отец служил начальником довольно большого отдела в одном из крупнейших банков страны Готтингер и Ко. Папаша управлял огромными суммами частных капиталов, ценными бумагами, давал инвестиционные консультации. Отца Люк видел редко, так как штаб-квартира банка располагалась в Цюрихе, и там у отца была огромная квартира. Мать в Цюрихе жить отказывалась и жила с Люком и его старшей сестрой в старинном фешенебельном Ньоне. Забот о деньгах у него не было по определению, и поначалу он попробовал жить жизнью великосветского юноши-мажора: девушки, лучшие курорты, которые он посетил в Европе все до одного, каждый раз с разной девушкой. Когда горные лыжи стали обыденностью, Люк занялся формулой-1, бобсле-ем. В какой-то момент, когда адреналин от экстремальных видов спорта перестал забавлять его, выяснилось, что жить довольно скучно. Отец много раз заговаривал с ним об университете, серьезной специальности. Отец явно хотел, чтобы он пошел по его стопам, и именно поэтому Люк выбрал медицину. Швейцария тут не могла ему ничего особо престиж-

ного предложить, и он закончил университет Луи Пастера в Страсбурге, получив диплом врача. Специализировался в интенсивной терапии и проработал несколько лет в университетской клинике Дени Дидро в Париже. Потогонная, изнуряющая, по сути довольно неблагодарная работа, которая к ужасу Люка начинала его раздражать. Он был слишком красив, подвижен, жизнелюбив, избалован всем самым лучшим, что может предложить богатому молодому человеку современная цивилизация.

Люк работал на автомате, следуя давно выработанным протоколам, его голова была свободна от усилий. Он начал посещать психолога, жаловался на головные боли, плохой сон и безотчетную тоску. Доктор говорил, что ему бы следовало сменить обстановку. Люк уехал в Америку и закончил аспирантуру в Гарварде. Блестяще защитившись по одной из самых перспективных тем в биохимии, он навсегда потерял интерес к практической медицине. Занятия наукой заставляли его забывать о банальности жизни и бесконечной погоне за удовольствиями, которые изнуряли больше, чем давали наслаждение. Но посвящать все свое время лаборатории у Люка тоже не получалось. О женитьбе он даже и не думал, рано ему еще "в стойло". Образцовым отцом семейства ему никогда не стать. Неменяющаяся картинка семейного обеда наводила на него ужас. А жизнь такая короткая, как получить от нее максимум? А тут опыты по продлению человеческой жизни, о которых Люк много и с интересом читал в

специальных журналах, стали предметом коммерческого использования. Сначала безумно дорогие, потом гораздо более доступные для людей, эти методики рекламировались и мало-помалу завоевывали все большую популярность. В начале двухтысячных Люку было уже больше тридцати и надо было решать: ничего не делать, как не делали его родители, очень долго жить, постепенно старясь, или прожить сравнительно короткую, но яркую жизнь на гребне своих интеллектуальных способностей, молодым, красивым, полным жизни и энергии. Трудное решение, Люк никак не мог его принять. Уходить из жизни на пике свершений или тянуть ее почти до бесконечности, превратившись в убогую развалину, у которой из всех жизненных функций дольше всего остается функция мозга. Человек-мозг, лишенный эмоций и страстей. Ничего не делать? Но тогда уже через 15-20 лет твои мышцы станут дряблыми, под глазами появятся мешки, женщины станут безразличны, или еще хуже начнут привлекать и одновременно пугать, когда ты станешь рабом виагры и однажды подохнешь от сердечного приступа из-за передозировки прямо на любовнице.

Однажды утром после довольно краткого и беспокойного сна, Люк принял решение. Не стареть, оставаться молодым, совершать то, что суждено совершить, не теряя времени, которого отпущено немного. Но так даже интереснее, некогда прохлаждаться, надо жить настолько интенсивно, насколько позволит потенциал, а у него он огромный. По-настоящему

близких людей у Люка не было и советоваться он ни с кем не стал. Родители к тому времени умерли, разбились на машине, оставив им с сестрой огромное состояние, которое Люка интересовало довольно мало. Сестра решила быть натуральной, ей было уже далеко за шестьдесят, но Люк знал, что она скорее всего его переживет и ее детям и внукам останутся их общие деньги. Да, какая разница.

Он работал сейчас в Университете Джона Хопкинса, в одной из самых продвинутых лабораторий мира. Их программа по выращиванию искусственных органов субсидируется правительством. Скоро наступит пятница, осталось три дня, и больному пересадят печень, которую они сделали. За свою часть работы можно было не беспокоиться, но по мере того, как приближался день Д, когда их органу нужно будет работать и выполнять в теле все свои функции, Люк тревожился все больше и больше.

Чтобы отвлечься, он постарался думать о своих очередных удовольствиях. На этот раз его привлекала покупка новой квартиры в Эмиратах, в центре Дубая. Он будет брать отпуск и жить в квартире будущего. Вот что он будет делать. Подождут его, ничего, имеет же он право на отдых. Имеет. И вообще, надоел ему этот убогий Балтимор, провинциальный, неразвивающийся... хулиганские банды вечно чем-то недовольных черных парней... богатые старые особняки в зелени, церкви, синагоги, костелы, респектабельные общины коренных американцев. И эта их гордость: харбор! Да, чем

тут гордиться, живут и не знают, что в мире есть набережные и покрасивее. В жизни он бы тут не жил, если бы не Хопкинс, а Хопкинс – это фирма.

Люк открыл картинку проекта крутящейся, переливающейся разными огнями, башни в 84 этажа, где каждая квартира вращалась в нескольких плоскостях, поворачиваясь за солнцем. Фантастический дом, где будут жить самые успешные люди планеты. Люк как раз рассматривал планы квартир, когда зазвонил телефон. На дисплее высветился номер Габи. Он знал, что она снова будет его мучить. На секунду у него мелькнула мысль не отвечать, но это ничего бы не дало. Так он в своей жизни еще никогда не попадал...

Риоджи Найори

Риоджи Найори прибыл в лабораторию в половине седьмого утра. Двери корпуса были открыты, внизу сидел заспанный охранник, который ему улыбнулся: "Доброе утро, доктор Найори." Надо же запомнил его фамилию. Странно. Риоджи поднялся на шестой этаж, провел своей карточкой по щели запора и войдя в зал, увидел, что он пришел на работу самым первым. Иногда первым приходил Роберт Клин. Они были очень разными, да и что могло связывать Найори-сана, отпрыска древней традиционной семьи из Осако и калифорнийца Клина, чьи предки-авантюристы приехали в Калифорнию, привлеченные Золотой лихорадкой? Казалось бы ничего. Конечно были лежащие на поверхности вещи: возраст, страсть к науке, талант, но существовал еще один фактор, о котором оба знали, но не любили об этом распространяться. Речь шла об их привлечении в программу продления жизни, когда оба были уже довольно немолодыми людьми. По сути это не было только их решением, как всегда происходило впоследствии с другими, им предложили продлить свою жизнь спецслужбы и поскольку предложение было довольно настоящим, то оба согласились, ощущая, что выбора им тогда не оставили.

Найори родился в 1913 году, первый сын человека из сословия Сидзоку, довольно богатого, знатного, близкого к императору. Отец был членом миссии Ивакуры, возглавлявшей курс на модернизацию страны. С миссией отец побывал в пятнадцати европейских странах и навсегда проникся идеей технического прогресса и интеграции Японии в мировую экономику. Когда родился Риоджи отец примкнул к партии либералов, которая в противостоянии партии милитаристов потерпела поражение, и отец вынужден был уйти в отставку. В начале тридцатых годов Риоджи был призван в звании офицера в Императорскую армию и был отправлен в Китай, где служил до окончания войны в 1945 году. Не идти под знамена он не мог, это было почетной обязанностью старшего сына. После войны он поступил в Осакский Государственный Университет на медицинский факультет, на кампусе Суйта.

Как же давно все это было. Они с другими ребятами бродили по древним тропам Кумано-Кодо, где тогда не было никаких туристов. Дорожки, проходящие через девственный лес горы, спускающиеся к рекам Куманогава и Тацукава, принадлежали только им. Замшелые ступеньки, святые могилы, камни с надписями, синтоистские кумирни, буддийские монастыри. Древняя Япония, где он тогда ощущал себя дома. После получения диплома Риоджи стал микробиологом и примерно в это же время познакомился со своей будущей женой Акеми, что по-японски означает "яркая красота".

Откуда ее родители знали, что их девочка станет красивой? Угадали. Хотя вряд ли они об этом думали, просто звучное женское имя, не воспринимаемое буквально.

Приглашение в Америку Риоджи получил от руководства Стенфордского университета, его публикации по продлению человеческой жизни их очень заинтересовали. Он принял решение переезжать в Калифорнию. Акеми не возражала, женщина следует за мужем, иначе и быть не может, но Риоджи знал, что Америка ее страшила. Акеми была из гораздо более патриархальной семьи, чем он. Как же она ждала рождения первого ребенка, уверенная, что если она окажется бесплодной, Риоджи с ней разведется и будет конечно прав, потому что она не смогла выполнить самый главный женский долг. Родители выбрали ему Акеми, по обычаю он обязан был бы на ней жениться, даже, если бы девушка ему совсем не нравилась, но Риоджи повезло: Акеми была само совершенство. Впрочем Риоджи знал, что родители ни в коем случае не стали бы настаивать, если бы Акеми оказалась не в его вкусе.

Он сам к Америке привык быстро, в глубине души был даже рад, что покинул Японию и может стать частью западной цивилизации. Он старался перенять все традиции американской жизни: приглашал гостей на барбекю, ходил в рестораны и бары. Жены и подруги коллег так хотели принять Акеми в свой круг, и она тоже всей душой желала быть полезной мужу, но во время совместных выходов на природу

была так напряжена, так неестественна, что Риоджи со смешанным чувством жалости и досады стал оставлять ее дома. Его английский был беглым и богатым, хотя и с легким акцентом. Как же иначе? В детстве у него был гувернер-англичанин, и отец посылал его стажироваться в Оксфорд. А вот Акеми английским совсем не владела, учить его не хотела, говорила, что ей язык не нужен. Когда к ней обращались, не в силах понять, что кто-то может не знать английского, Акеми мелко кивала головой и вежливо улыбалась, но в ее глазах металось смятение. Он, Риоджи, делал любимую жену несчастной. Сначала ему пришлось выдумывать всякие предлоги для ее постоянного отсутствия, а потом его женой все просто прекратили интересоваться. Когда родился сын, Акеми хотела назвать его японским именем, но Риоджи настоял на том, что сын будет Джоном. Акеми не возразила ему, но тайно плакала, уверенная, что имя защищает человека, а теперь ее ребенок останется без защиты и с ним может случиться что-нибудь плохое.

Когда Джон был маленьким, Акеми была совершенно счастлива и спокойна. Риоджи был на работе и не знал, как она балует, холит и лелеет своего сынка. Как же иначе, ведь, он был "драгоценным подарком Неба". Машину она водить так и не научилась, сидеть за рулем казалось ей неслыханным, и когда в транспорте подросшему Джону никто и не думал уступать места, Акеми очень удивлялась. Джон рос изнеженным, инфантильным, незрелым. Акеми и не дума-

ла поощрять его взросление и даже представить себе не могла, что сын после учебы покинет их дом. Он был старшим сыном, других у них не родилось, и по японскому обычаю должен был бы остаться с родителями даже после женитьбы. Риоджи пытался уверить жену, что Америка – не Япония, и нельзя растить сына в такой расслабленности и беззаботности. Воспитанная в покорности, мягкая Акеми больше слушала, никогда не переча мужу, но Риоджи прекрасно знал, что она с ним не соглашалась: Джон – настоящее сокровище и его надо хранить в укромном и защищенном месте, то-есть дома, с ней.

Сын уходил из дому, иногда не приходил ночевать, стал скрытным и каким-то нервным. Риоджи ничего не замечал, а Акеми беспокоилась, но обладая характерным для японок гибким мышлением и чрезвычайно высоким порогом терпения, не раздражалась, была с Джоном молчаливой и тоже покорной, ведь он же мужчина. Несмотря на возражения Акеми, Джон уехал учиться в Йель. Акеми собралась было последовать за ним на кампус, но Риоджи категорически запретил ей это делать. На каникулы сын приезжал домой, рассказывал, что все профессора его хвалят, но Акеми только говорила ему, что надо больше работать. Джон был талантлив, но Акеми больше ценила в людях усердие. Сам Джон считал, что он в жизни многого достигнет, потому что он "как папа", талантливый человек, и достигнет цели с легкостью. Если бы он знал, как много усилий потратил его отец, чтобы сделать-

ся одним из ведущих специалистов мира в своей области. Ну откуда он мог бы это знать. Практически все отцовские исследования были в 60-ые годы засекречены. Джон бросил университет, уехал жить в коммуну хиппи, а они ничего об этом не знали. Да, Риоджи сейчас со стыдом признавал, что жизнь сына в те времена не очень его интересовала.

Он работал над методом, позволяющем удлинять на целую тысячу нуклеотидов человеческие теломеры – концевые участки хромосом, от длины которых во многом зависит процесс старения организма. Они были заморожены своими исследованиями: воспроизводство здоровых клеток происходит путем их деления. В ходе каждого деления концы теломер уменьшаются. По мере взросления и старения эти "колпачки" уменьшаются и в какой-то момент достигают точки невозврата – клетка прекращает деление и окончательно умирает. Это и есть причина старения. Что тут поделать? А они доказали, что можно использовать медицинское вмешательство извне для непосредственного увеличения участков хромосом при помощи модифицированной РНК, несущей в себе теломеразные обратные транскриптазы. Ввести эту РНК – и клетки начнут вести себя как молодые, активно делиться. Правда, удлиненные концы теломер снова начинают с каждым новым делением укорачиваться. Надо было разрабатывать особые препараты, блокирующие этот процесс. У них все получилось, хотя до успеха было еще очень далеко, но тогда Риоджи этого конечно не знал. Не знал он

и, что с использованием работ произойдет. Интересно, остановился бы он их, если ему это было известно?

Когда наступило время обеда, оказалось, что доктор Риоджи Найори остался в лаборатории совершенно один. Надо же, он даже и не заметил, как разошлись остальные. Надо было возвращаться домой. Не хотелось. Свою небольшую трехкомнатную квартиру в центре, которую он снимал почти за 3 тысячи долларов, он считал домом очень условно. Когда-то он имел в Америке дом, но все продал, включая мебель. Теперь ему было совершенно все равно, где жить. Мебель ему привезла и расставила по местам довольно дорогая логистическая фирма. С таким же успехом Риоджи мог бы жить в гостинице. Мебель, которую они выбирали вместе с Акеми, теперь не могла его окружать, это было слишком больно. Каждый раз, когда мысли о работе его немного оставляли, Риоджи принимался думать о сыне, вновь и вновь анализируя свою роль в том, что случилось. Он испытывал такую пустоту, что мысли о самоубийстве приходили ему в голову все чаще и чаще, но долг перед командой останавливал его.

Дружба Джона с хиппи зашла слишком далеко, и даже узнав, что сын бросил университет, они уже ничего не могли сделать. Как же он тогда быстро смирился с тем, что из его единственного сына ничего не получится, успокаивал себя,

что парень перебесится, вернется к карьере и... все будет хорошо. Что он мог сказать сыну, который не испытывал к отцу благодарности, не был ему предан, не брал с него пример. "Плохой" сын... да, но это случилось потому, что он, Риоджи Найори – плохой отец. Он не смог воспитать молодого японца, Джон получился слишком американцем, себялюбивым, эгоистичным, идущим за идеалами своего круга, отрицающий мораль родителей. Когда Джон еще приезжал домой, он пытался с ним говорить, приводил свои, кажущиеся такими логичными, резоны. Но слышал всегда одно и то же:

– Отец, ты не понимаешь. Мы стоим на пороге "золотого века".

– Если ты хочешь наступления "золотого века", надо работать.

– Нет, работа – это рабство. Мы против порабощающего людей труда, но мы за свободу, мир, сексуальное освобождение

– О какой свободе ты говоришь? Нельзя жить без обязательств перед обществом.

– Можно. Моя свобода – это величайшая ценность, и я буду всегда ее оберегать. Ты не сможешь мне помешать. Ты неправильно жил...

– Я неправильно жил? Я всю жизнь работал, чтобы...

– Работал? А кто воевал в Китае? Убивал людей?

– Джон, была война, я не мог поступить иначе. Я был стар-

шим сыном в семье и обязан был служить своей родине.

– А мне плевать на родину. Я людей убивать никогда не буду. Мы против насилия, против общественных правил.

Риоджи понимал, что спорить с Джоном бесполезно. А раз бесполезно, то как ученый, он привык не биться головой о стену, а пойти другим путем. Хотя никаким другим путем он не пошел, просто отступился, так было проще. Те, с кем он, скрепя сердце, делился на работе своими проблемами с сыном, утешали его, что "сейчас у всех так... что проблема непонимания отцов и детей естественна... что надо просто подождать". Если бы он знал, что хиппи принимают галлюциногены, считая, что психоделики "расширяют сознание", создают условия, в которых человек начинает осознавать в себе наличие "души", разрушают границы привычного восприятия действительности. Это было уже после посещения Риоджи штаб-квартиры NASA. Ему предложили самому подтвердить свои изыскания, стать должителем. Он встал перед самым серьезным решением своей жизни и ему стало не до Джона. То, о чем с ним говорили в NASA, осталось в памяти:

– Понимаете, уважаемый доктор Найори. Скоро начнутся полномасштабные исследования дальнего космоса, нам понадобятся члены экипажей, способные довести корабль к далеким мирам.

– Вы предлагаете мне быть членом такого экипажа? Вряд ли я к этому готов.

– На данном этапе об этом пока нет речи. Просто человеческой жизни, ее средней продолжительности не хватит на длительное движение к объекту. Ваши исследования могут и должны послужить на благо прогресса человечества.

– Все это звучит очень пафосно, но....

– Доктор Найори, разве вам самому не интересно проверить свою теорию?

– Почему теорию? У нас есть опыты на животных. Это уже не теория, а практика.

– Вот именно, доктор. Вы живете долго, плодотворно работаете над своим проектом, а мы его субсидируем всеми доступными федеральному правительству средствами. А они, поверьте, очень значительные. Подумайте, доктор.

Риоджи уезжал из Вашингтона со смешанным чувством: с одной стороны он гордился тем, как его работа оценивается правительством, с другой... слишком уж они настаивали. Ему казалось, что он уже несвободен, связан негласными обязательствами, которые он не может с себя снять. Не имеет права. Его пригласили к ректору Стенфорда, который говорил о визите человека из ЦРУ. Ректор поставил Риоджи в известность, что исследованиями по продлению жизни интересуются федеральные ведомства, что он знает, что ему, доктору Найори сделаны важные предложения. Сотруд-

ник ЦРУ был очень доброжелателен, но под конец намекнул, что общественность обеспокоена морально-этической стороной проблемы, и может случиться, что их проект не получит достаточно субсидий для успешного продолжения. Ректор смотрел на Риоджи выжидающе, но выглядел напуганным. Ему явно угрожали. Выходя из административного здания, Риоджи уже знал, что согласится, но при условии, что его семье тоже будет предоставлена возможность жить с ним долго. А еще он поймал себя на том, что невольно завидует своему сыну и его беззаботной жизни веселого бездельника.

Вскоре при разговоре со своим старшим коллегой доктором Робертом Клином Риоджи узнал, что и тому предлагали то же самое. Странно, что Клин ему признался, ведь в NASA брали подписку о неразглашении. Впрочем все быстро разъяснилось:

– Риоджи, меня тоже приглашали туда, куда и вас. Они мне говорили, что рассчитывают на наше понимание, и что нас будет двое, знакомых друг с другом коллег, но разумеется, они сейчас ведут вербовку специалистов ученых по всему миру.

– Вас, что же, Роберт, просили меня уговорить? Вы сами-то согласились?

– Да, конечно. Мои исследования могут прерваться смертью, остаться незаконченными, а это так нелепо. Мы не будем бессмертны, но наше время продлится, и мы сделаем

неизмеримо больше. А они нам за все заплатят.

– Да кто мы такие, чтобы отмерять свою жизнь?

– Ой, Риоджи, не надо. Не хочу слушать про христианскую мораль. Мои и ваши исследования гораздо важнее глупых бредней.

– Все-таки вы меня уговариваете, доктор Клин.

– Зачем мне вас уговаривать? Вы – настоящий ученый и потому, я знаю, вы согласитесь.

– А вы не думали, что, если бы мы с вами захотели пережить ныне живущих, нам для этого не нужно никакого вмешательства NASA.

– Да в том-то и дело, что нужно. Они заплатят за все эксперименты, и не мне вам говорить, насколько они дорогостоящие. Кроме правительства никому этого не потянуть

Риоджи это и сам понимал. Идея отдалить смерть всей своей семьи стала казаться ему невероятно привлекательной. Ему за пятьдесят, ну еще двадцать лет, ну может тридцать... и все.

Он ничего не успеет. Годы пролетят, как миг. Его скосит какой-нибудь инсульт, он несколько месяцев пролежит с перекосенным лицом и потом умрет. Да, он согласен. К тому же истинный ученый все должен пробовать на себе.

Риоджи внезапно очнулся от воспоминаний, которые казалось полностью захватили его сознание. Пора было ехать

домом. Уже стало немного темнеть. На 83-ем шоссе поток машин к вечеру почти не убавился, и Риоджи сосредоточился на дороге.

Раньше такие старые люди, как он, уже редко водили машину по федеральным трассам, но сейчас геронты доказывали, что им это по-плечу. Через 20 минут Риоджи уже был дома. Делать было совершенно нечего. Он скромно поужинал, посмотрел по телевизору новости и лег спать, хотя еще не было и десяти часов. Засыпая, он думал о том, что наутро он возможно опять придет в лабораторию самым первым, раньше Роберта.

Роберт Клин

Роберт решил уходить из лаборатории в пять часов, он позвонил шоферу, чтобы тот его забирал и попрощался с Риоджи: "Эй, Рио... пока, не засиживайся тут... ладно, до завтра". Он секунду подождал ответа, или хотя бы какого-то знака, но Риоджи сидел, уставившись в экран компьютера, и не ответил. "Тьфу ты, совсем ни черта не слышит, хоть бы слуховой аппарат носил!" – Роберт одновременно сочувствовал Найори: они вместе пришли в программу, знали друг друга очень давно, были людьми одного поколения, но вместе с тем, он был уверен, что, хотя он на четыре года старше Риоджи, но в лучшей форме и на это была причина. Риоджи не смог правильно выстроить свою жизнь, а он, Роберт Клин, смог. Наверное ошибка Риоджи состояла в том, что он так и остался слишком японцем, так до конца и не стал западным человеком. Черт их, этих азиатов знает... другая психология и мироощущение. А вот он, доктор Клин, – западный человек, коренной американец, а значит оптимист и боец. Так вышло, что теперь ему и его семье надо жить в Балтиморе, все равно он – калифорниец. Роберт вряд ли стал бы обсуждать калифорнийский характер с другими, но был уверен, что калифорнийцы – особенные: красивые, хорошо сложенные, веселые, спортивные, здоровые люди. Обожают прово-

дить время на улице, на море, в горах. И при этом образованы и, что самое главное, широких взглядов. А как иначе: выросли среди черных, мексиканцев, китайцев, индейцев. И у них к счастью отсутствует снобство жителей Новой Англии и религиозная упертость уроженцев средних штатов. Что греха таить... Роберт до сих пор скучал по своему Сан Франциско, Стэнфорду, широким песчаным пляжам. Сейчас-то эти пляжи превратились в узкие полоски берега, но Роберт помнил их широкими отмелями, где они мальчишками запускали воздушных змеев. Он не отдавал себе в этом отчета, но его мир довольно значительно сместился в прошлое.

Роберт ехал в своем удобном широком Кадиллаке и думал о себе совсем юном, скользющим по волнам на водных лыжах за быстроходным отцовским катером. Ноги напряжены, тело откинута назад, руки вцепились в мокрой фал, в лицо летят соленые брызги. Когда это было? Тридцатые годы, может начало сороковых? Последствия Великой Депрессии его семья испытала, но не на уровне голода. Нет, они не голодали. Отец, инженер авиаконструктор, начал принимать участие в разработках радиолокационных систем, это был правительственный заказ, и отец даже тогда в эти страшные для Америки годы, прилично зарабатывал, поэтому Роберт и ребята его круга продолжали заниматься спортом и ухаживать за девушками. Потом отец настоял на Стенфорде, надеясь, что сын увлечется космической областью, но Роберта инте-

ресовала биология и медицина. В 58 году американец Бидл получил Нобелевскую премию за работу по генетике, он тогда работал в Калифорнии. Роберт, молодой физиолог его знал. Нобель Бидла повлиял на увлечение Роберта синтезом специфических клеточных веществ, на формирование которых влияют определенные гены. Он там в Стенфорде подружился с Эдуардом Тейтемом, их факультет одним из первых переехал из Сан Франциско в Пало-Альто. А потом Эдуард уехал работать в Рокфеллеровский центр в Нью-Йорк, его с собой звал, но Роберт не поехал, остался верен Калифорнии. Сколько у него тогда было интересных публикаций по созданию эффективных методик по контролю за ролью генов в биохимических процессах в живой клетке. А Нобеля не получил, впрочем в те времена ни одна только наука занимала его сознание. Он был счастливо женат на Дороти, у них родился первый сын Джордж.

Уже подъезжая к дому, Роберт поймал себя на том, что он всю дорогу вспоминал о молодости, ни разу даже не подумав о своей текущей работе. А ведь сейчас началась одна из самых напряженных недель за несколько последних лет: пересадка искусственной печени, которую они вырастили из стволовых клеток. Конечно это был не первый опыт выращивания искусственного органа, но именно печень оказалось труднее всего вырастить, слишком уж у нее было много различных функций, и одна из них непременно по ка-

ким-то причинам заблокировалась. Больной умирал. Сейчас такого произойти не должно, они учли свои ошибки. Впрочем, они и раньше вроде их учитывали, а что-то все равно не срабатывало.

Роберт снова вспомнил о Найори, надо же: неужели Риоджи до сих пор торчит в лаборатории. С него станется, хотя куда ему идти, к кому возвращаться? Черный Кадиллак, удивительно похожий на катафалк, хотя сам Роберт этого неприятного сходства не замечал, въехал на тенистую длинную аллею, ведущую к их большому особняку в Таусоне. Шофер высадил его у входа и уехал парковаться в гараж, где стояли еще три их семейные машины. Скорее всего Роберт мог бы и сам вести машину, но не хотел напрягаться, шофер жил в небольшой пристройке к дому, одновременно он выполнял обязанности садовника, а его жена довольно неплохо для них с женой готовила. Роберт знал, что слуги были только у него одного, и возможно коллеги его за это осуждали. Ну и пусть. Плевать он хотел на то, что другие думают. У его родителей тоже были в Калифорнии слуги. Неприятным тут было то, что ювеналы и натуралы скорее всего думали, что они уже такие старые, что нуждаются в уходе.

Это действительно в какой-то степени было так, но Роберт ни за что бы собственную немощь не признал. Ему недавно исполнился 121 год, пышно отмеченный в том числе и на работе. Он уставал, иногда засыпал во-время собраний кафедры и их группы, сидел на довольно строгой диете, принимал

много лекарств, но продолжал работать. Разве на работе ему делали скидки? Нет, не делали, они в нем нуждались. Пусть найдут на его место специалиста его уровня! Нет, не найдут, таких специалистов раз-два и обчелся. Он приносит пользу и будет приносить. Тут Роберт немного заблуждался: если бы он ушел, ему сейчас же нашли бы замену. Пара ученых из Европы ждали, когда он сочтет нужным удалиться от дел. Пока он этого не планировал.

Его пригласили в NASA примерно в то же время, то и Риоджи Найори, но тогда он и понятия не имел, что Риоджи уже сделали предложение по участию в программе по продлению жизни. В интервью это выяснилось и, хотя Роберта просили ни с кем о сути беседы не разговаривать, он сразу про себя решил обязательно спросить у Найори, что он по-этому поводу думает. Неужели откажется? Он-то сразу решил соглашаться. Еще бы: его единственная, неповторимая, прекрасная жизнь не прервется внезапно и жестоко. Он и дальше будет плодотворно трудиться и наслаждаться тем, что ему дано: творчество, профессиональное признание, умница жена, одаренные дети. Ну как можно от такого отказаться? Зачем? Он же не дурак. Да, да, конечно, они там ему распинались об исследованиях дальнего космоса, дескать, его пошлют в экспедицию, из которой ему скорее всего не суждено будет вернуться, но Роберт в такую возможность не слишком верил. Полетят к чужим мирам когда-нибудь, но не при его жизни. Он будет заниматься своим делом и доживет до непред-

ставимого сейчас возраста. Ему почти шестьдесят, он еще в прекрасной форме, и все-таки...

Прежде всего Роберт посоветовался с Дороти. В ее согласии на специальные инъекции он практически не сомневался, за годы совместной жизни они настолько друг к другу притерлись, что могли предугадать решения другого, но все-таки он слегка тревожился: а вдруг Дороти откажется... что он тогда предпримет? Пойдет на это один и будет жить в одиночестве еще долгие годы? Как же так? Нет, она не откажется, это невозможно. В глубине души Роберт знал, что даже, если и без жены, он согласится... Он уже твердо это решил и знал, что не отступит. Дороти согласилась не сразу. Ее волновали дети. Да она согласна, но только, если и дети согласятся, иначе... Да, она была права. Как он сам об этом не подумал? Они, два старика останутся жить, а дети в свой час умрут и они должны будут переживать их смерть. Четверо детей! Четыре раза присутствовать на их похоронах? Ужасно. Дороти он ничего не сказал, но... да, пусть он всех переживет, Роберт был согласен остаться совсем один. Но такого подвига духа не понадобилось. Дети, изумленные странной возможностью, даже пока не зная всех подробностей, согласились, гордясь отцом, который наверное действительно был гением. Никому ничего подобного не предлагали, а ему предложили. Вот какой у них отец. Он возьмет их с собой в туманное и прекрасное будущее, обеспечив своей семье долгую жизнь. Да, пусть им завидуют!

Роберт получил доступ к секретным разработкам по продлению человеческой жизни. Кое-что о них просачивалось в прессу с начала семидесятых, но из восторженных и невнятных рассуждений журналистов ничего понять было нельзя. Это потрясающе, что они делали. Найори, как Роберт и думал, согласился, и они живо обсуждали с ним новую информацию. Прошло еще несколько лет и наконец день инъекции настал. Событие произошло в Национальном Институте здравоохранения в Вашингтоне.

Роберт не особенно любил вспоминать этот день. Наоборот старался забыть, было страшно. Он поехал в Вашингтон первым, до "вакцинирования" семьи нужно было ждать еще несколько лет. Странно, право, что они называли процесс "вакцинированием", получалось, что людям вводили "вакцину от старости". Настоящих масштабных исследований на людях наверное не проводилось, Роберт просил привести ему статистику, но ее, похоже, тоже не было. Опыты только начинались, они не могли тогда носить глобального характера. Сейчас-то все давно пущено на массовый коммерческий поток. Прежде, чем вакцинировать желающих стать "геронтами" или "ювеналами" людей, с ними проводится обширное тестирование, а тогда ничего такого не делалось. Тем более, что свойство вакцины делать людей вечно молодыми, тоже еще не было известно. Зная многих ювеналов, любуясь их вечной молодостью, Роберт часто спрашивал себя, а если бы технология омоложения была тогда доступна, кем бы он сам

стал: геронтом или ювеналом? Геронтом конечно. Роберт о своем, почти слепом выборе, никогда не жалел.

Они с Дороти, совершенно седой и сухой старушкой, ходящей с палкой, поужинали, сели у камина с маленькой рюмкой хорошего коньяку и Дороти, довольно формально поинтересовавшись тем, как поживает их проект, стала с нескрываемым энтузиазмом рассказывать ему, как идет подготовка к ежегодному собранию у них всего семейства. Для Дороти это было центральным событием года. Она ждала его с нетерпением и вот уже в эту субботу все у них соберутся, а первые гости приедут уже завтра. На Роберта посыпались подробности о меню, нанятых официантах и поварах, о новом платье, о том, что на этот раз ему нужен новый смокинг.

Роберт внезапно почувствовал, что устал, прикрыв глаза, он сидел в кресле, коньяк стоял на небольшом столике почти нетронутый. В какую-то минуту он видимо задремал, а потом нетерпеливый голос Дороти резко вытащил его из забытья:

– Боб, ты меня слушаешь? Ты слышал, что я тебе сказала? Боб, ну ты что... если ты так уж устал, иди в постель. Нечего тут спать.

Зачем она так его тормозит? Что он него хочет? Ну

еще одна многочисленная семейная вечеринка у них в саду. Дальше что? Неужели это так для нее важно? Пусть делает как хочет. Обсуждает с ним цвет скатертей, марки вина. Почему бы ей его не исключить из этих дамских забот. Ага, тут что-то более интересное, не про вина...

– Агнесса приедет со своим новым ребенком. Говорят у них родилась чудная девочка.

– Да, да, милая, прекрасно. Я буду очень рад познакомиться с малышкой.

Не в малышке дело. Дороти говорит о какой-то Агнессе, а кто это Агнесса? Роберт не помнил, но спросить жену стеснялся. Неужели она могла разобраться в десятках и десятках людей, которые все были их родственниками? Молодец Дороти, а он давно потерял ориентацию: кто они, чьи дети, внуки и правнуки? Ну конечно он жене о своем замешательстве не скажет ни слова. Семья – это ее жизнь, гордость, удовлетворенное тщеславие: она тут главная, нужная, настоящая прародительница. Роберт понимал жену, но с годами чувство родства все больше и больше в нем притуплялось. Да, он не жалел, что стал геронтом, но в том, что другие решили остаться вечно молодыми, тоже было что-то удивительно притягательное. Уже ложась спать, Роберт подумал о сотруднице их лаборатории Наталье Грекове. Какая эффектная, самодостаточная женщина, уж она-то ни за что не стала бы гор-

даться ролью родоначальницы клана. Да у Натальи, судя по всему и не было никакого клана. Она была сама по себе и Роберт немного ею восхищался, хотя не любил себе в этом признаваться, да и насчет клана он тоже ошибался.

Наталья Грекова

Наталья заехала утром в лабораторию, со всеми поздоровалась, переговорила со Стивом, который настойчиво интересовался состоянием потенциальных реципиентов, и сразу ушла, так как около, почти достигших заданного стандарта, искусственных печеней, делать ей было нечего. Ей следовало идти в реанимационное отделение, где из последних возможностей тянули пациентов, которым через несколько дней должны были пересадить печень. Кому? Это и был выбор доктора Грековой, ее ответственностью. Эффективность операции очень сильно зависела от ее решения. Больных было пятеро, все натуралы. Это-то понятно. Ни геронтам ни ювеналам, за редчайшим исключением, орган не пересаживали. Геронты как правило доживали свою длинную жизнь без особых проблем со здоровьем, а когда проблемы действительно начинались, пересадка была не оправдана, потому что организм геронта был все-таки слишком изношен для успешной реабилитации. Как бы кощунственно это не звучало, ювеналы тоже очень редко были реципиентами. Они практически никогда не болели, зато под конец своей недлинной жизни заболели резко и серьезно. Эта болезнь, чаще всего агрессивный рак, и уносила их в могилу и сделать с этим было ничего нельзя. Только когда орган ювенала выходил из строя сразу после "вакцинации" в результате трав-

мы, речь могла идти о пересадке.

В их случае опытная группа состояла только из молодых натуралов. Таковы были параметры прописанные в протоколе: натуралы, у которых отказала та или иная система, большие с поражениями двух или более органов не рассматривались. Сейчас, поскольку на этот раз речь шла о пересадке печени, все пятеро имели тяжелейшие проблемы. Без пересадки их выживаемость была практически нулевой. Без интенсивных реанимационных мероприятий каждый из них давно бы уже умер. Наталья подбирала подходящих больных, вернее ей следовало решить, у кого из них наибольшие шансы выжить, и в какой очередности производить пересадки. С одной стороны реципиенты умирают, т.е все находятся в состоянии крайней тяжести, с другой их организм должен еще быть достаточно сильным, чтобы пережить операцию и быть в состоянии адаптировать пересаженный орган. Тонкий баланс и Наталья должна была его нащупать.

С аксакалами из лаборатории советоваться было глупо. Конечно, поскольку они все команда, Наталья регулярно докладывала о больных, но внятных соображений от коллег ждать не приходилось. Кто-то вообще никогда не занимался клинической медициной, а кто-то так давно, что Наталья даже не принимала их опыт в расчет, да и медицина была в те былинные времена совершенно другой, примитивной, интуитивной, на уровне "проб и ошибок". Как ученых она Стива, Риоджи, Роберта и Люка уважала, но как практических

врачей – нет. Ученые, давно полностью ушедшие в свои эксперименты, протоколы, статистики, публикации, авторы монографий и учебников, они смотрели на результаты тестов, которые она им систематически показывала, по-поводу каждого больного, но по-настоящему оценить его состояние не могли, а она смотрела на живот больного и мысленно "видела", что там внутри происходит. Был еще Алекс Покровский, он-то все понимал, но не так как она. Алекс – хирург-гепатолог и гастроэнтеролог, специализирующийся на пересадках органов пищеварения. Он член их команды только временно, потому что сейчас они пересаживают печень, а потом они пригласят другого специалиста: пульмонолога, офтальмолога, гинеколога. Алекс – лучший, но операций по пересадке печени он произвел уже десятки, какая ему в сущности разница, что пересаживать: донорскую печень или искусственную. Техника операции от этого не изменится.

Алекс был Наталье скорее симпатичен, хотя никакой солидарности с другим ювеналом, Люком, она не испытывала, наоборот, ей было неприятно, что он гораздо ее младше, а это означает, что он... нет об этом думать не стоило. Наталья вообще уважала людей за их профессиональный вклад в общее дело, а не за человеческие качества. Алекс – прекрасный хирург, но тут-то и начиналась проблема, которая, как она считала, свойственна всем хирургам: у них "золотые" руки, прекрасная реакции, недюжинная стрессоустойчивость, организованность, выдержка, но с другой стороны им не хва-

тает интеллекта, широты личности, охвата проблем большого во всей их совокупности. По ее глубочайшему убеждению хирурги были скорее пролетариями профессии, а не ее аристократами. А вот она была той самой "белой костью", умной, хваткой, внимательной, знающей, опытной. В команду ее за эти качества и привлекли. Хирурги будут меняться, а она останется. Ее сам Стив пригласил. В Америке сотни хороших специалистов, но он выбрал именно ее. Сколько, тогда, десять лет назад, он проинтервьюировал врачей? Кто ж знает? Взяли ее. Наталья собой гордилась. Как было бы хорошо, чтобы ее гордость кто-нибудь разделил, но она знала, что особо некому, "семейка" в счет не шла. В команде ее уважали, ценили, признавали высочайший профессионализм, но во всем этом была определенная формальность. Да, они команда, но есть ли им дело друг до друга? Странно, раньше Наталья такими вопросами не задавалась, а в последнее время они иногда приходили ей в голову. К чему бы это?

Наталья зашла в большой реанимационный зал, где за перегородками, опутанные проводами, лежали ее пациенты. Наталья поймала себя на том, что сначала вглядывается в показания датчиков на мониторах, а уж потом смотрит на распростертого на кровати человека.

Мужчина, 38 лет, белый... последняя стадия цирроза. Поступил в больницу 3 месяца назад с желудочным кровотечением, асцитом, не поддающимся никакой терапии, с резко сниженным содержанием альбумина. Сейчас мужчина был

в сознании, явно слышал, что к нему подошел доктор, но глаз не открывал. "Слишком слаб, истощен рвотой" – Наталья смотрела на мужчину безо всякого сочувствия. Он был реципиент и больше никто. Она скользнула взглядом по его имени, но как его зовут ей тоже сейчас было совершенно безразлично. Изможденное лицо, крайне исхудавшее тело, почти не двигается, налицо явная атрофия мышц плечевого пояса и межреберной области. Больной открыл глаза и попытался что-то сказать, но Наталья не услышала, речь была невнятной. Она ему успокаивающе улыбнулась и снова уставилась на монитор. С ним надо что-то решать. Может не надо его трогать. Слишком уж высокий протромбин. Они будут стараться, а он умрет от тромба? Нет уж, игра не стоит свеч. Давать антикоагулянты? Да выдержит ли он их? Ладно, посмотрим на него завтра. Наталья отошла от больного, так пока и не приняв решения. Здоровый мужик, есть у них подходящего размера орган. Вроде есть, но стоит ли тратить эту большую драгоценную печень на циррозника? Это, разумеется, его печень, выращенная из его же стволовых клеток, но... можно и другого, совместимого реципиента позже найти. Тут надо думать. Наталья может и решила бы совсем от этого реципиента отказаться, но не могла. Ее удерживала профессиональная солидарность. Мужик был доктором, последние пять лет работавшим в Кении с "Врачами без границ". Как уж они там инструменты стерилизуют? Заразился гепатитом С. Сначала вроде все не очень быстро разви-

валось, а в течение последнего года – очень резко: желтуха, асцит, жуткая слабость, рвота. Не повезло мужику. Не алко-голик, мог бы даже с вирусом жить и жить, а теперь... что с ним делать? Хотя какие сейчас могут быть посторонние факторы для выбора реципиента: доктор – не доктор... он должен выжить и жить настолько долго, чтобы войти в положительную статистику.

В соседнем отсеке лежала совсем молодая девушка, азиатка, то ли корейка, то ли китаянка. Она была в коме. Сходила с семьей за грибами. Далась корейцам эти грибы! Отец с братом умерли, а она была пока жива. Сильный организм, а может съела меньше. Печень за пару дней совсем некротировалась, если не пересадить, девчонка умрет. Так, понятно. С ней надо работать. Во-первых у них есть маленький орган, хоть и не из ее стволовых клеток, но он ей подойдет, и к тому же печень у нее отказала, а вообще-то до отравления организм был совершенно здоров. Печень уже конечно не спасти. Надо делать. Девятнадцатилетняя азиатка Наталья подходила. Сейчас главное, чтобы они за ее почками следили. Указания на этот счет уже были сделаны, Наталья хотела их подтвердить, но раздумала. В реанимационном отделении Хопкинса врачи знали свое дело, тем более, что эти пятеро больных были потенциальными участниками невероятно дорогостоящего и важного эксперимента, и все об этом знали. Персонал от их пациентов не отходил.

Так, что тут у нас дальше? Сорокавосьмилетняя женщина

с далеко зашедшим фиброзом. Диффузный... ну да, понятно. Все доли поражены. Не печень, а сплошной рубец. Женщина была очень слаба, но в сознании. Увидев доктора, она оживилась. Все бы ничего, но у больной хронический аутоиммунный гепатит, они ей новую печень – а она ее снова уделает. Наталья молчала, и больная не догадывалась, в каких выражениях она думает о ее перспективах. На лице доктора была написано вежливое участие. Женщина смотрела на Наталью с надеждой, ей и в голову не приходило, что ей могут в операции отказать. "Да что тут думать, у больной снова начнется склерозирующий первичный аутоиммунный холангит, все эти ее обычные язвенные колиты... весь букет, но до полной недостаточности ведь будет еще далеко. А это как раз то, что им надо. Сначала-то ей будет резко лучше" – Наталья была склонна рекомендовать фиброзицу для пересадки. Что капризничать? Разве найдешь совсем здоровенького больного, которому нужна пересадка? Они все лежат в реанимации и умирают, это факт.

"Следующий, кричит заведующий" – Наталья внезапно начала думать по-русски, вспомнив старое школьное выражение. Что это вдруг на нее нашло? По-русски Наталья давно не говорила и даже не думала.

Перед ней лежал совсем молодой красивый парень. Сейчас он неважно выглядел, но все равно наметанным взглядом Наталья определила, что он статный и сильный. Разбился на мотоцикле, внутреннее кровотечение, стабилизирован,

но печень разорвалась практически надвое. Срочная операция оказалась неудачной, большая часть органа была просто размозжена, желчные протоки не генерировались, сосуды кровили и парню все время переливали лимфу. Если бы он сразу не попал в Хопкинс, его бы скорее всего уже не было в живых. Он сломал ребра и отломки разорвали печень. Сейчас на аппаратах больной как-то жил, но прогноз его был неутешительный. "Вот ему-то мы точно пересадим. Только надо будет его потянуть как можно дольше, хоть как..." – Наталье очень захотелось, чтобы мальчишка-мотоциклист не умирал. Родители при рождении заморозили плаценту и они взяли из нее стволовые клетки, новая печень уже росла. Да только толку от этого все равно ноль, родной печени еще расти и расти, а так долго его не протянут и надеяться нечего. Парню другую печень пересадят, там есть одна, которая совпала с его белком. Но сейчас ей нужен реципиент для пятницы. Усилием воли Наталья выкинула парня из головы.

Ага, а тут рак. Гепатоцеллюлярная карцинома. Больной – молодой мужчина, ранняя стадия, и это для него наилучший вариант. Разумеется никаких симптомов у него не было. Все выявилось случайно. В анализе крови, заказанном доктором просто так, профилактически, показали функции печени были не очень. Потом все как всегда: кровь на альфа-фетопротейн, МРТ, биопсия. Опухоли множественные, их пять, поэтому трансплантация показана, тем более, что в данном случае пересадят "свою" печень. Редкий рак, нет

метастаз. Команде с этим больным повезло. Наталья подумала, что в пятницу с него и начнут. Потом азиатка. Насчет третьего реципиента она все-таки не определилась. Есть еще завтра и послезавтра, хотя... нет, решать придется завтра. Больного начнут готовить.

В лабораторию Наталья больше не вернулась. Завтра вторник, в 9 утра будет их обычная конференция под председательством Стива Уолтера. Надо отдать Стиву должное, он их зря не задерживал. Все по-деловому сообщали о положении дел на своем участке и все. Найори и Клин говорили с точки зрения Натальи слишком медленно. Что с них возьмешь, все-таки совсем старые дядьки. Риоджи с его вечной вежливой улыбкой, за которой неизвестно, что стоит, надо же она никогда не видела его смеющимся, вообще не замечала никаких перепадов настроения. Какой-то человек-машина. К вопросу о машине... Наталья вспомнила машину Клина. Черный кадиллак, "членовоз" – Наталья снова вспомнила старый русский сленг своей московской молодости. Неужели Боб не понимает, что ни один молодой, неважно ювенал или натурал, ни за что бы не сел в такую стариковскую машину. Ей самой уже 68 лет, но она-то чувствует современную моду. А интересно, все ювеналы чувствуют биение жизни, или это зависит... Наверное все-таки не все, а только такие продвинутые как она. Хотя... тут все непросто. С другими ювеналами ей дружить особо не хотелось, а с натуралами у нее по каким-то причинам не получалось. Да, нет, со совсем

так: с ювеналами она общалась, с ними в известном смысле было легче. Но тут всегда присутствовал фактор соперничества, ревности: кто моложе, бодрее, жизнеспособнее? Наталья сравнивала себя с другими и была при этом уверена, что любой ювенал тоже так делает, хотя обсуждать свои наблюдения среди них было не принято.

У нее были в городе дела. Она пообедала, заехала в спортивный клуб, поиграла в теннис и немного поплавала в бассейне. Вечером Наталья уселась в мягкое кресло на террасе и налила себе джина с тоником. Усталости не было, даже было немного обидно, что уже вечер и скоро придется ложиться спать. Хотелось еще куда-нибудь выйти, чтобы продлить этот летний день, расслабиться, поболтать, почувствовать свою желанность. Подруг у Натальи никогда не было, с женщинами ей было некомфортно и скучно. А что, позвонить что ли кому-нибудь? Наталья уже было совсем собралась звонить Люку, хотя с ним всегда была опасность разговоров о работе, да и пойдет ли он? В этом у нее тоже были сомнения, но ничего решать не пришлось. Телефон зазвонил тонким дурашливым свистком. Сашка... натурал, сын русских родителей, родившийся в Балтиморе. Она Сашке нравилась, он и понятия не имел, что она ювеналка. А что, говорить ему, что ей под семьдесят? Нет уж. А зачем она тогда вакцинировалась? Вот для таких Сашек. Впрочем, если бы он спросил, она бы скрывать свой возраст не стала. Еще чего...

Сашкин голос как обычно неприятно резанул явно лохов-

скими интонациями:

– Натуль? Как сама? Я подумал... может завалиться к тебе на всю ночь? Ты как?

Ох, уж эта его "натуль"... он, главное, подумал, что "завалиться" – это вопрос решенный. Удобно, ничего не скажешь. Она вроде как всегда счастлива его видеть. Натальей овладело непреодолимое желание сказать Сашке что-нибудь резкое, сделать так, чтобы он больше вообще ей не звонил, но в следующую секунду она подумала, что Сашка – есть Сашка, он молодой, не сильно образованный американец, вконец испорченный замкнутым мирком русской, преимущественно еврейской эмиграции, где все знали его самого, его родителей, родственников, и он тоже всех знал. Ну, да, для него она "Натуля", такая же, как он и его друзья. Молодая русская девка, которая раньше жила в Нью-Йорке, теперь переехала сюда и он ее опекает, вводит в компанию. Сашка даже спрашивал, где она работает, узнав, что в Хопкинсе, больше вопросов не задавал. Наталья ему бы и не сказала, кем именно она там работает. Это бы их только отдалило. Сашка был уверен, что она натуралка, даже в этом почему-то не сомневался. Сам он рьяно отстаивал позиции "натурализма", что Наталью не удивляло, потому что быть натуралами было сейчас модно. Сашка продавал машины на большом дилершипе Хонды, с важным видом сидел в офисе, оформлял

кредиты, гордо ходил по стоянке, расхваливая каждую модель. Он считал себя очень удачливым и обаятельным. Машины у него покупали, Сашкино обаяние работало, он получал больше комиссионных, чем другие дилеры, и был собой вполне доволен. Если бы Наталья ему рассказала, что всю жизнь училась, вкалывала, как собака, что ей 68 лет, что она жила еще при Брежневe, что писала перьями и носила черный фартук, он бы ей просто не поверил.

Наталья все это Сашке не рассказывала не только потому что ей не хотелось оказаться с ним по разные стороны возрастной баррикады, но еще и потому что Сашка вообще был не в состоянии задумываться о прошлом и будущем. Он умел жить только настоящим. У него сейчас была знакомая девушка Натуля, он иногда проводил с ней время, и Наталья была уверена, что не только с ней. Ни в других компаниях, ни на работе, ни дома он о Натуле не думал. Это было так, и Наталью вполне устраивало. Никакой любви она разумеется не ждала, тем более с Сашкой. В Сашке ей нравилось загорелое, здоровое, молодое тело, в остальном он ее раздражал. По опыту она знала, что уже довольно скоро это раздражение выйдет из-под контроля и Сашку придется послать подальше. И ладно, Наталья ни к кому не испытывала привязанности.

Несколько лет назад у нее был недолгий роман с Алексом Покровским. Алекс был "свой", доктор, человек с большим жизненным опытом, способный разделить с ней бремя юве-

нальности. Кроме того он был красив и строен, т.е. вызывал в Наталье желание. Они встречались у нее в квартире, иногда сидели в модных ресторанах для ювеналов. В последнее время на многих ресторанах появились таблички "juvenals are especially welcome", другие рестораны приглашала натуралов или геронтов. Относительно новый тренд. Конечно табличка не означала, что ресторан обслуживает исключительно одну группу, туда мог зайти кто угодно, но на деле получалось, что заходили в основном те, кого приглашали. С одной стороны это было приятно, люди расслаблялись среди своих, но с другой стороны в обществе намечался раскол, который замалчивался, но не для кого не был секретом.

Наталья знала, что она может позвонить Алексу, они встретятся, он снова проведет с ней время в ее квартире, но звонить не хотелось, потому что причина, по которой их связь начала Наталью раздражать, никуда не делась: Алекс слишком ее нагружал своими проблемами. Наталья вообще недолюбливала мужчин, которые жаловались на жизнь, искали утешения и совета. Она-то сама этого никогда не делала, а Алекс начинал говорить о своей семейной ситуации и не мог остановиться. Хватит с нее, надоело ему сопли вытирать. Да, у него все было сложно, очень сложно, но Наталья вовсе не хотела в его сложности вникать, она и так знала про него больше, чем хотелось бы.

Алекс Покровский

Доктор Покровский приехал домой, крикнул жене "я – дома", увидел ее толстенюкую короткую фигурку, почти без шеи, и сразу привычно подумал, что Мегги уже давно стала похожа на шар. Память услужливо подсунула ему образ Натальи. Мегги поспешила в кухню, стала греметь кастрюлями, разогревая для него ужин. Алекс увидел, что жена его ждала: на столе стояли бокалы, свечи и небольшой букет цветов. Боже, она пыталась устроить для них романтический ужин. Вот, зачем ей это надо? Что она хочет ему показать, что ждет? До какой же степени ему все ее ухищрения ни к чему, нет, не "ни к чему", а тяготят, подчеркивают пропасть, которая между ними пролегла. Неужели она этого не понимает, не чувствует? Неужели бедная Мэгги до сих пор считает, что они по-прежнему близкие люди? Нет, не может такого быть. Она просто делает сейчас хорошую мину при плохой игре, и... ничего она не "бедная", сама все испортила, сама во всем виновата. Бедная, бедная... это он бедный, только она его не жалеет, наоборот... Мегги ставила на стол тарелки и без умолку трещала:

– Давай, Алекс, садись, я знаю, у тебя был сложный день. К столу, к столу, ты же голодный. У нас сегодня куриные котлеты, твои любимые. Ну что там у вас нового? Что Стив говорил?

Алекс молчал. В голосе Мегги появились старческие, чуть

скрипучие нотки, которых он раньше не замечал. Или она всегда так разговаривала? Впрочем, он наверное придирается, Мегги разговаривает с ним именно так, а не иначе, последние 50 лет. У них скоро "золотая свадьба", огромное для нее событие, а вот ему плевать. Ну не то, чтобы плевать, он же ничего не забыл, но... все слишком сложно.

– Бери грибной соус, это я сама делала по французскому рецепту из белых грибов. Ездил за ними в китайский магазин. Так что Стив тебе нового рассказал? А с Риоджи ты разговаривал? Что там у вас? Что Наталья говорит? Ты сам-то смотрел больных?

Это же надо: про соус и про "дела" в одном предложении! То про "котлетки", то про лабораторию! Что она, интересно, хочет узнать? Даже, если бы у него был профессиональный разговор с коллегами, стал бы он ей его пересказывать! Ага... сейчас. Да, он говорил разумеется с Натальей, да, он естественно ходил в реанимацию смотреть потенциальных реципиентов, да, они с Натальей, а потом на конференции оба докладывали о состоянии каждого, но... Мегги-то тут при чем? Она не врач, слыхала звон, да не знает, где он. Когда-то он считал ее "умной и тонкой", но пора посмотреть правде в глаза.

Алекс познакомился с ней как только поступил в меди-

цинскую школу. Замотанный, худой, голодный потому что тогда не было времени даже поесть, на девушек тоже не было времени. Мегги была молоденькой медсестрой, на ночном дежурстве они познакомились и Мэгги взяла шефство над студентиком. Странно, он даже не был резидентом, на которых медсестры все-таки обращают внимание. Как Мегги смогла выделить высокого мальчишку из стайки других второкурсников непонятно. Она снимала небольшую квартирку в Балтиморе, недалеко от Хопкинса, вся ее семья жила в Балтиморе, но Мегги с родителями жить не хотела. Алекс переехал в ее квартирку, стал есть домашние ужины, она стирала его вещи и аккуратно складывала в комод белье. На год старше, Мегги казалась ему тогда самостоятельной и взрослой. У него был большой долг за школу, он брал ссуду вместе с родителями, но знал, что отдавать деньги ему придется самому. "Ничего, Алекс, учись, ни о чем не думай. Мы все выдержим, все отдадим. Мы со всем справимся" – как приятно тогда было слышать слова поддержки. Алекс старался не замечать, что это "мы" произносилось Мегги, как нечто само собой разумеющееся, как решенное дело. Думал ли он тогда о них с Мегги как о "мы"? Сейчас он не мог бы точно это сказать. Да, он закончит медицинскую школу, они пожениятся, родят детей, у них все будет хорошо. Свадьба будет пышной, в церкви. Отец Мегги поведет ее за руку к алтарю, а там в черном смокинге ее будет ждать Алекс. Они в нужный момент скажут "да" ... "в горе и в радости". Мегги бы-

ла немного простовата: папа хозяин авторемонтной мастерской, мама – тоже медсестра, он-то будет хирургом. Приходило ему это в голову? Алекс помнил, что да, приходило. Но с другой стороны, он же тоже не аристократ. Его отец – военный, а мать – домохозяйка. Три брата и сестра. Все они пошли учиться, все работали над карьерой. Он же тоже с легкостью мог бы стать медбратом, но не захотел... еще чего! А Мегги захотела. Медсестра – это ее потолок. Алекс думал об этом, но немедленно себя одергивал: Мегги – женщина, ей и не надо учиться, она будет матерью его детей. Да, он тогда так думал. Разве он хотел жену-хирурга? Только этого не хватало! Одного доктора в семье вполне достаточно.

После Хопкинса он подал в несколько лучших резидентур страны, его почти везде взяли. Алекс выбрал Майо. Они туда поехали с Мегги и их первым сыном. Все было так, как хотела она. Ну почему "она"? Он хотел того же. Пышная свадьба потребовала больших денег, снова взяли ссуду, но теперь Алекс был уверен, что скоро все отдаст, тем более, что Мэгги оказалась бережлива.

Алекс родился в 45-ом, когда отец вернулся с театра военных действий в Европе. Военную карьеру он оставил, купил автомастерскую и всю жизнь занимался бизнесом, семьей и делами церковной общины. Мегги родителям понравилась. Симпатичная, энергичная, здоровая женщина, земная, из хорошей семьи. Хорошо, что Алекс, их удачный талантливый сыночек, не выбрал интеллигентную штучку, от ко-

торой неизвестно, что ждать. Сын соседей женился на мулатке, а племянник на китаянке. Ужас какой! Воспитывать темных внуков или маленьких азиатов! За что людям такое? Как охарактеризовать вред от интеллектуалок и почему конкретно они были для Алекса нежелательны, родители не взяли бы, но "штучки" из Нью-Йорка или Лос-Анджелеса их пугали.

В начале 80-ых бум с "вакцинациями" только начинался. Вакцинации рекламировались еще не очень широко, были очень дорогими и широкой публике недоступными. Тем более, что в воздухе витала опасность рисков, связанных с решением. Большинство не могло тогда принять фатальность выбора. Тебя вакцинировали и ты избирал не только возраст своей смерти, ты избирал судьбу и поправить уже ничего было нельзя. Алекс узнал о вакцинациях не из газет и не из специальных буклетов, он узнал о подобной возможности от коллег. После Майо он по настоянию Мегги вернулся работать в Хопкинс в отделение общей хирургии, а жена наконец-то воссоединилась с родителями.

Алекс помнил, что в те уже давние времена его жизнь четко разделилась на две составляющие: работа, семья, отпуска в Европе с детьми и без, – нормальная жизнь работающего небедного профессионала, но параллельно его обуревали мысли о вакцинации, о которой он ни с кем не говорил. Иногда ему хотелось, чтобы ученые не выдумали никакой вакцинации и тогда он бы просто жил, не считая себя

обязанным принимать решения, за которые до конца жизни он будет нести ответственность. Но о вакцинации говорили многие его коллеги, обсуждали, спорили, выбирали, что лучше для них и членов семей. Все наверное и началось с медицинской общественности, именно они не только заговорили о научном свершении, чреватом для человечества такими переменами, но и действовали. Алекс знал людей, которые сделали свой выбор. Пару раз он специально съездил на научные конференции, посвященные вакцинации. Игнорировать эту уникальную возможность он просто не мог. В 84 году, ему как раз исполнилось 38 лет, он понял, что близок к принятию решения. Он вакцинируется и останется молодым до конца жизни. "Молодым", этим все сказано. 38 лет – это для мужчины немного. Ему тогда никто бы и не дал его возраст. Высокий, крепкий, ухоженный, всегда хорошо одетый, он выглядел подтянутым и моложавым. Алекс подолгу смотрел на себя в зеркало и понимал, что в его внешнем виде роль играли не чисто физиологические особенности его лица и тела: чистая кожа без морщин, упругий живот, крепкие плечи, мускулистые длинные ноги. Не в них было дело. Дело было во взгляде: в зеркале Алекс видел мужчину с жестким, холодным взглядом твердого, уверенного в себе человека, привыкшего к повиновению окружающих. Вся операционная бригада была одета одинаково: голубая роба, шапочки на голове, комфортные белые туфли, но его, Алекса Покровского, можно было выделить сразу. Он тут главный,

остальные статисты.

Таким его все и воспринимали, но сам-то Алекс чувствовал признаки старения. Он бегал каждое утро, но быстрее уставал, волосы на затылке начали немного редеть, в постели с Мегги Алекс все чаще чувствовал апатию. Чтобы отвечать на ее, все еще жаркие ласки, ему надо было делать над собой небольшие усилия. Как и все мужчины он, разумеется, объяснял это рутинностью супружеского секса, вот если, дескать, это была бы не Мегги, тогда он... Но как врач Алекс понимал, что уровень тестостерона начал снижаться, это неизбежно. Как же ему не хотелось стареть, как он любил себя таким вот 38-летним.

Летом 84 года им овладело нетерпение: он преступно упускает время. Скоро ему не поможет никакая вакцина. Вакцина может практически полностью блокировать процесс старения, но она никого не омолаживает. Он останется 38-летним, а 25-летним не станет. Надо спешить. Хватит мучить себя, он сделает то, что должно, а там будь, что будет. Этот рыцарский девиз он откуда-то знал, хоть и не обладал особой гуманитарной эрудицией, считал ее излишней, даже чем-то немужским.

В один из летних вечеров он объявил о своих намерениях Мегги, совершенно не сомневаясь, что она их поддержит. Об этом вечере Алекс старался не вспоминать, слишком это было тяжело. Еще никогда в жизни он не испытывал таких разочарований. Время от времени тот давний разговор, ис-

коверкавший всю его жизнь, всплывал в памяти Алекса, как будто он произошел вчера:

– Мегги, я тут подумал, что нам следует воспользоваться современными биотехнологиями и вакцинироваться. У нас в больнице многие уже вакцинированы, работают безо всяких последствий для здоровья. Мне кажется, сейчас эта процедура стала достаточно безопасной, чтобы мы на нее решились.

– Да, да, я слышала о таких вещах. По-моему это безумно дорого.

Ах, Мегги, первый вопрос для нее – это конечно деньги. Деньги – деньгами, но разве о цене процедуры надо сейчас говорить? Хотя, она вовсе не шокирована, и это уже хороший признак.

– Да, дорого, я знаю, хотя мне как врачу положена скидка процентов двадцать или даже тридцать. Потянем.

– А дети?

– Что, дети? Их не могут вакцинировать, они несовершеннолетние, а потом они сами примут решение. Надеюсь мы послужим им примером. Что сейчас думать о таком далеком будущем. Пройдет еще лет 10-15, может даже двадцать, прежде чем им надо будет думать о вакцинации.

– Алекс, это отлично: мы не расстанемся с нашими ребя-

тами еще очень долго, трудно себе даже представить сколько. Будем знать праправнуков. Я тоже об этом думала, но не решалась тебе предложить.

– О чем ты, Мэгги, думала?

– Ну, как о чем? О том же, что и ты: продлить нашу жизнь, наше счастье, любовь...

– Нет, Мегги. Я ничего не собираюсь продлевать...

– Как?

– Я имел в виду вакцинацию, когда мы с тобой перестанет стареть. Ты только представь, мы сейчас молодые, полные сил и энергии и такими останемся до самой смерти.

Мегги молчала. Конечно она не могла не знать о недавно открытой двойкой функции вакцинации: жить молодым и полным сил, но не дожить до старости, или жить долго, но старым и немощным, постепенно переживая всех, кого ты знал. Удивительное дело, что они, оба зная о разных дозах вакцины, выбрали противоположные опции. А это значило, что они – совершенно разные люди, по-разному относящиеся к жизни. И с чего он взял, что Мегги с восторгом воспримет его идею? Она молчала так глухо, что Алекс почувствовал, что должен что-то сказать. Да, только что? Что тут скажешь? Близкий человек или сразу разделяет твое стремление, или... нет. Начать ее убеждать, что старость – это мерзкая никчемная вещь?

– Послушай, Мегги... Ты пойми... мы же с тобой не завтра умрем, и даже не послезавтра. Наши дети будут взрослые, мы успеем дать им то, что могли. А дальше – это уже их жизнь. Ничего, что мы не будем в ней участвовать. Тот потенциал, который нам с тобой отпущен реализуется, а если это так, то зачем длить свое жалкое, никому особо не нужное существование, постепенно становиться больными, немощными, уродливыми, слабыми? Что длинная жизнь может тебе дать такого, что ты еще не видела и не испытала?

– Нет, ты не прав.

Ага, слава богу, заговорила. "Не прав..." – интересно, найдет ли она аргументы почему не прав. Начнет спорить? О чем тут спорить? Он решил прожить яркую, эффективную жизнь, он ее проживет. Старикашкой не будет, чтобы Мегги ему не говорила.

– Алекс, если тебе наплевать на семью, то подумай хотя бы о своей работе, ведь ты ее любишь. Как можно отказываться от карьеры?

Ага, про его карьеру заговорила, других аргументов не нашла. Эти перехлесты: "на семью тебе наплевать". А, ведь, Мегги неумна. Раньше он этого не замечал? Замечал, просто не считал ее простоватость недостатком ума, просто недостатком образования, что для женщины, матери семейства,

простительно. Получалось, что ему была ни к чему действительно умная женщина, "ровня"? Как же это он так жил: бытовой уровень, семейные проблемы, дети тут, дети там... туповатый мир барбекю, подготовки к рождеству, пасхе и поездкам. Внезапно Алекс испытал острое раздражение против Мегги, приправленное изрядной долей брезгливого презрения: ладно, ему можно было бы жалеть о профессиональной карьере, жить долго, оставаясь полезным людям, а она-то тут при чем? Ей-то для что доживать до черт знает какого возраста? Тщеславное желание побыть прародительницей? Где-то он недавно вычитал: "тщеславия в человеке ровно столько, сколько ему недостает ума". Ну, правильно. Эх, Мегги! Но надо ее все-таки уговорить как-нибудь. Алекс помнил, что в тот момент он был на сто процентов уверен, что Мегги сделает так, как он решил.

– Мегги, я все равно сделаю так, как решил. Я не хочу тебе лгать, не стану тебя ни в чем убеждать. Ты – моя жена, у нас семья, я тебя люблю и люблю наших детей. Я верю, что ты поддержишь меня, но ты вольна поступать, как знаешь. Заставить тебя никто не может, но подумай над тем, что я сказал. В какой-то момент, верю, что нескоро, я умру, молодым и красивым, а ты проживешь без меня больше, чем со мной. У тебя возникнут проблемы, разные, в том числе и материальные. Не будем закрывать на это глаза. Ты привыкла к определенному уровню жизни, который ты вряд ли сможешь

долго поддерживать. Вместе мы, однако, тоже еще проживем много лет: ты – старая, некрасивая, грузная женщина, у нас есть пример твоей матери, и я – молодой, стройный и полный энергии и желаний, которые вряд ли сведутся только к бабушке-супруге. Подумай об этом, прошу тебя.

Да, куда ей деваться! Как он ошибся! Сначала Мегги долго молчала. Шли дни и больше к этой больной теме они не возвращались. Настал день инъекции. Они вдвоем поехали в Вашингтон в Центр здравоохранения. Сначала медицинские обследования, тестирования, беседа со специальным психологом по результатам тестирования. Он вошел в зал вакцинаций первым. После укола он некоторое время пролежал на кровати, подключенный к мониторам. Немного кружилась голова и подташнивало. Где-то здесь должна была находиться Мегги. Алекс несколько раз с усилием поднимал голову и оглядывал зал. Мегги не было. Что там с ней? Все ли гладко прошло? После недели молчания, он задал ей вопрос в лоб: "Ну, Мегги, ты все обдумала? Я назначил для нас день вакцинации". "Ладно, я согласна" – ответила она, односложным ответом давая ему понять, что ничего больше не хочет обсуждать. Родителям они решили сказать уже о свершившемся факте. Конечно они бы их отговаривали. Люди другого поколения, они были убежденными противниками, как они говорили, этих "опасных игр" против бога и природы.

А случилось вот что: Мегги бумаги не оформляла. Алекс

все сам заполнил за них двоих. Она только, где нужно, расписалась. Пройдя все процедуры, оказавшись в зале, где вспрыскивалась вакцина "вечной молодости", как тогда говорилось во всех рекламных буклетах, Мегги вдруг истерически заплакала, стала кричать, что она не хочет... не хочет... На нее удивленно смотрели, в зал вошел психолог, стал ее успокаивать. "Пустите меня, пустите меня... не хочу... не надо" – рыдала она. Это ему потом рассказали врачи-вакцинаторы, когда Алекс вышел в коридор и, нигде не найдя Мегги, начал беспокоиться и пошел ее искать. Его провели в кабинет психолога, где Мегги лежала на кушетке под седативными препаратами, бледная и безучастная к происходящему. Всю обратную дорогу они в машине молчали. Вечером Мегги объявила ему о своем решении:

"Да, я вакцинируюсь, но так, как я раньше хотела. Я буду жить долго и счастливо в окружении детей, внуков и правнуков. Без тебя, ничего, проживу как-нибудь. И не пугай меня одиночеством, я никогда не буду одна. Слышишь, никогда! Хватит мне плясать под твою дудку."

Это последнее про "дудку" Алекса неприятно резануло. Всю жизнь ему казалось, что он ни в чем не ущемлял интересов жены. В глазах Мегги читалась злое упрямство, которое он уже и не брался сломить. Расхотелось. Пусть будет так, как будет. Он потом сам отвез ее в Вашингтон, ждал по-

ка ей все сделают. Они снова ни о чем не говорили и Алекс понял, что так теперь будет всегда. Вот бы уйти от нее! Но Алекс знал, что никуда от матери своих двоих детей не уйдет. Они будут жить бок о бок, старательно делая вид, что счастливы, он будет наблюдать, как с каждым годом жена делается старше и отчужденнее, что через пару десятков лет, если ему суждено будет до этого дожить, он окажется под одной крышей с чужой старушкой, которая почему-то продолжает считать себя его женой, не имея на это никакого права. Да, что об этом думать, изменить все равно ничего было нельзя. Что ж, все его прогнозы оправдались.

Поужинали, слава богу. Мэгги устроила себе гнездо на диване перед телевизором, положила около себя большую коробку шоколадных конфет и приготовилась смотреть сериал.

– Алекс, иди, а то серию пропустишь.

– Сейчас, иду, иду...

Алекс прекрасно знал, что, погрузившись в содержание фильма, Мэгги даже и не заметит его отсутствия рядом. Она звала его "на автомате". Какие-то глубинные ментальные механизмы из прошлого заставляли ее звать мужа, но Мэгги не замечала, что Алекс на ее зов не приходил. Вот и на вопросы про лабораторию она от него не дождалась ответа, но настаивать не стала, потому что ответ ее вовсе не интересовал. Ее

вопросы про его "день" тоже были на автомате, еще из тех времен, когда он радовался ее интересу и возможности поделиться своими удачами и проблемами. Как же давно это все было.

Алекс принялся думать о работе. Все-таки ему повезло, что его пригласили в программу. Prestижно, да и денег на порядок больше. Программа получает немеряно большие субсидии от правительства и частные гранты, и поскольку он сейчас их главный хирург, то и плата за каждую операцию резко больше, чем его тоже довольно высокая зарплата в Хопкинсе. То-есть он, естественно, свою зарплату получает, плюс еще доплаты от программы. Собственно, операция как таковая ничем особым от рутинной операции по трансплантации печени не отличается. Просто орган не от донора, в выращенный, но техника пересадки от этого не меняется. Тут дело в ответственности: выращенный по невиданной технологии орган прямо "золотой", и на уровне материальных затрат и на уровне научной ценности. Упаси его бог напортачить! Алекса слегка раздражало, что он до сих пор не знает, кто конкретно будет реципиентом. Это ему бы следовало решать, а не Наталье. Сколько бы она не делала вид, что с ним советуется, это будет ее решением. Решит Наталья правильно, Алекс не сомневался в ее квалификации. Наталья – есть Наталья, а он – простой хирург: отрезай, зашивай!

Нет, не стоит вульгаризировать, не так все просто: он не простой хирург, и один из лучших в мире в области транс-

плантации внутренних органов. И все-таки то, что делали ученые, Алекса завораживало: из клеток вырастает орган! Никому не надо умирать, чтобы другой мог жить. Он бы не смог стать ученым, как эти их старцы: Риоджи, Стив и Роберт. Вот таким как они и стоило жить долго. Такие геронты нужны человечеству, это понятно. Хотя есть же еще Люк и даже мальчишка Майкл Спарк. Если бы у него был такой сын, он бы им гордился. Хотя хамство с его стороны так говорить: у него тоже прекрасные сыновья. Таким как Майкл надо стать геронтом, чтобы больше успеть. Алекс невольно улыбнулся: вот ювеналом Майклу становиться смысла не имело. Упитанный, некрасивый молодой человек, с редкими рыжеватыми волосами и козлиной тоже рыжей бородкой. Он, Алекс, даже сейчас в свои 71 год, даст ему сто очков вперед. Любая девушка его... а была ли у этого Майкла хоть одна подружка? Не факт, не факт... Алекс снова свысока улыбнулся, как будто толстый рыжий мог его видеть.

Майкл Спарк

Если бы Майкл знал, что ювенал доктор Алекс Покровский о нем думает, он бы очень удивился, причем удивился неприятно, когда бы ему стало известно, как доктор Покровский о нем думает, в каких выражениях. Услышал бы про "козлиную бородку и реденькие волосенки", прямо морду бы набил. Майкл никому и никогда не бил морды. У представителей его поколения и круга это было совершенно не приня-

то. Кто-то и сейчас "бил морды" в барах среднего запада, но он в таких местах даже никогда не был и наверняка о подобных неврастенических практиках знал только из кино.

Майкл родился в семье провинциального врача из Вермонта, который, как в старые времена, разъезжал по больным на своем неновом форде в пригородах Берглинтонна. Папа и мама Майкла до сих пор считали Калифорнию диким западом, а орегонцев и вашингтонцев – неотесанными мужланами безо всякой культуры. Когда Майкл, блестяще закончив среднюю школу, собирался подавать документы в Беркли, Стэнфорд и Калтек, папа не переставал бубнить, что жить среди этой деревенщины неприемлемо. Папа гордился своей англосаксонской принадлежностью, был снобом, членом довольно дорогого кантри-клуба, имел в гардеробе смокинг, считал себя "денди" и презирал обладателей джинсов и кроссовок. Майкл был единственным сыном, и отец возлагал на него большие надежды. "Пойми, сынок, мы, истинные янки, должны быть гибкими, пусть никто не догадывается, что ты на самом деле думаешь, не умничай, но и спуску никому не давай. Будь деловитым, немногословным, шути только с равными себе. Остальные просто не смогут оценить твои шутки. Понял меня, сынок? Тебя ждет большое будущее" – папа учил Майкла жизни, как будто предчувствовал, что они скоро расстанутся навсегда.

Майкл закончил факультет Биологического инжиниринга в MIT. Учился он настолько блестяще, что его взяли в соб-

ственную аспирантуру в докторскую программу, что было невероятной редкостью. В 25 лет он был принят в программу постдока в Хопкинс. Несмотря на молодость, публикаций Майкла в научных журналах ждали, и он становился ведущим специалистом по выращиванию органов из стволовых клеток. Специалистом по получению проекции органа в формате 3Д.

Майкл сидел на диване в своей однокомнатной квартире и самодовольно улыбался, думая о трех старцах лаборатории и примкнувшему к ним ювеналу Люку, с которым он сегодня ходил на ланч: "Да, куда бы они все без него делись! Спору нет, все эти престарелые ребята – классные специалисты, уж он-то мог об этом судить, но как "подвешивать" биологическую структуру, органоид, с разными типами клеток, четко выявляя их морфологию, механические и химические свойства – это умеет только он. Это он, Майкл Спарк, придумал, как "подвешивать" образцы во время печати в среде из микрометровых гелевых частиц. Нет, ну они все, понятное дело, имели представление, как он это делает, но... и только. Правильно, он это делает при помощи специальных гидрогелей, которые не он разработал, но именно он следит за тем, как придать им нужную структуру. А что, ему кто-нибудь помог, когда он мучился, чтобы не дать гелю с клетками опускаться на дно в процессе печати и во что бы то ни стало сохранить конфигурацию органоида в процессе засты-

вания? Это он придумал, как, изменяя вязкость среды, регулировать разрешение печати. Да мало ли было трудностей, но сейчас они их разрешили, и вот, пожалуйста... в пятницу будут очередную печку пересаживать.

Майкл, как и остальные был почти уверен, что у них все получится. В своих раздумьях он даже не заметил, что в мыслях уже говорит не "я", а "мы". Они все-таки команда. Классная команда, он гордится, что он ее член. Почти самый молодой член, он за десять лет достиг практически такого же уровня, как они за... почти сто. Мысленно назвав преувеличенную цифру "сто", Майкл улыбнулся: его и их эффективность – это как 1:10. Он их обошел, только никто не хочет этого признавать! Сволочи.

Ну, да, он сегодня нарочно ребятам в кафе сказал, что его спутник Люк – ювенал. Пусть почувствует на себе их косые взгляды. А то сидит, понимаешь... победитель, красавчик, здоров как бык. А самому за семьдесят. Не за семьдесят, а 59 лет. Майкл был склонен преувеличивать возраст ювеналов. Он видел, как девушки ему вслед смотрели, Люк каждой улыбался, нагло так, хамовато. Видел прекрасно, что нравится девкам, привык нравится, дрянь такая. А он, Майкл, кому нравится? Насколько содержательна его собственная мужская жизнь? Не насколько. Нет у него никакой мужской жизни. Майкл с ненавистью вспомнил о Наталье. У них кое-что было с доктором Покровским. Было. У Покровского есть жена, да он плевать на нее хотел. Ювеналам закон

не писан. Они почему-то думают, что им все можно. Ничего, ничего... пусть напоследок шалят и бесятся. Сколько им всем осталось? Люку, Наталье, Алексу? В этом году сдохнут или в будущем? А может в конце недели? И хорошо, туда им и дорога.

Думая о ювеналах, Майкл привычно себя распалил, канализируя свою ненависть в острую неприязнь к членам команды. Город кишел ювеналами, но близко общался он только с сотрудниками программы.

Настроение решительно портилось. Надо было куда-нибудь пойти, но куда? С кем? Вот интересно, если он позволит Наталье, пойдет она с ним в ресторан или клуб? Нет, не пойдет. Скажет, что сегодня понедельник, неделя только началась, какой клуб... вот после пятницы... Она и после пятницы не пойдет, Майкл это знал. Он для нее "рыжий толстячок", как и для Алекса – это раз. Он для нее "ботан", погрязший в своих научных глупостях и не способный развлечь женщину – это два. Их разделяет возрастная пропасть, разный опыт, разная ментальность... – это три. У нее должна быть своя компания, а у него – своя.

Майк принялся думать о воображаемой компании Натальи, куда она его ни разу не пригласила. А его компания? Туда ему сейчас не хотелось, хотя, Майкл был в этом уверен, в "ячейке" всегда кто-нибудь крутился и он смог бы провести там время до вечера. Позвонить что ли Ребекке Гудман? Может она с ним выйдет куда-нибудь. Ребекка, честно гово-

ря, ему совсем не нравилась. Слишком "еврейка", совершенно не своя. Майкл не считал себя антисемитом, но евреи его не привлекали. Что-то было в них всех суетное, чужое. Наталья, кстати, тоже еврейка, но это в ней Майклу совершенно не мешало. Он и сам давно забыл, откуда он вообще об этом знает. Что-то она такое рассказывала о своей старшей сестре? Нет, Наталья всем своим видом и ментальностью отрицала любую этническую принадлежность. Но Наталья для него в любом случае недоступна, думать о ней смешно и глупо, и дело тут совершенно не в разнице в возрасте. На ее холеной, холодноватой, красивой морде разве написано сколько ей на самом деле лет? Тут все проще: где он, а где Наталья! Наталья конечно дрянь, ювеналка паршивая, он ее ненавидит, но... какая женщина! Ой, да ладно. Не сидеть же дома: Ребекка – так Ребекка. Майкл набрал ее номер и сразу услышав Ребеккин интеллигентный голос, обрадовался. "Слушай, это Майкл, узнала? Ты уже решила, как сегодняшним вечером распорядиться? Может ходим куда-нибудь?"

Ребекка Хоффман

Ребекка, увидев высветившийся на дисплее номер Майка, не удивилась. Толстяк хочет ее пригласить куда-нибудь выйти. По вечерам ему скучно. Она уже разделась, надела старую домашнюю майку и собиралась ужинать с родителями. Мать внизу накрывала стол в небольшой беседке, затянутой тонкой сеткой от насекомых. Родители только недав-

но закончили ее строить, нанимали рабочих, обсуждали дороговизну работ и вот наконец все было готово. Мать посадили вокруг цветы, отец купил новый гриль и Ребекка понимала, что летняя беседка во дворе – это предмет родительской гордости. Чего ей больше хочется: идти с Майком в недорогой хипстерский ресторан в районе Харбора или спокойно посидеть с родителями? С родителями пожалуй ей будет комфортнее, можно рано уйти спать. С другой стороны, ужины с родителями – это какая-то ранняя старость: работа со стариками, не важно ювеналами или геронтами, бесконечные нервные клиенты с довольно похожими проблемами, замкнутый мир их лаборатории, где делалось то, чего Ребекка не понимала. Ей же всего 25 лет.

Она закончила Йельский университет, после получения диплома сразу пошла в аспирантуру и год назад получила докторскую степень по теме "Геронтологические переходы: из лаборатории в жизнь". Анализ скорости адаптации после инъекции. Родители всю свою жизнь прожившие в Балтиморе в зеленом Честволде в старом доме с большим участком, принадлежавшим еще папиным родителям. Родители до сих пор каждую субботу ходили в синагогу, но ее не заставляли. На йом кипур она их сопровождала, не хотела расстраивать. Как же они не хотели отпускать ее в Нью-Хемпшир. Йель звучало прекрасно для всей семьи и для знакомых, но как можно отпускать девочку одну в такую даль! Ребекка и в Хопкинс подавала, но туда ее почему-то не приняли.

В общезнании она сначала чувствовала себя одиноко, была со всеми вежлива, но подружиться не получалось. Бесконечные ночные вечеринки ее утомляли, дамоклов меч пьяных изнасилований пугал и она, как правило, от походов в гости в другие корпуса к мальчикам отказывалась. За это прослыла тихоней, зубрилой и пай-девочкой. "Ты же такая симпатичная, будешь нас слушаться – далеко пойдешь" – уверяли ее знакомые девочки. Но Ребекка вовсе не собиралась "идти далеко". Она понимала, что найдет хорошую работу, выйдет замуж и будет радовать родителей. А пока ей следовало учиться. Остальное подождет. Но долгими вечерами она просто не могла не думать про "остальное".

Первого мужчину она встретила, уже заканчивая аспирантуру. Тоже еврей, тоже психолог, тоже специалист по возрастной ориентации. Они своей работой очень увлекались. Настоящие исследования психологии натуралов, геронтов и ювеналов еще только начинались. Ее Ноа защитился на несколько месяцев раньше, продолжал преподавать, сидел на ее защите, на которую приехали родители, которых она со своим бойфрендом познакомила. К огромному счастью родителей Ребекка нашла работу в Хопкинсе и была почти уверена, что они с Ноа поженятся и будет жить в Балтиморе рядом с ее семьей. Но вышло не так. Ноа предложили работу в Париже, он когда-то заканчивал "французскую" школу в Чикаго и его французский язык был беглым и правильным. Ребекка даже не знала, что он подавал на замещение вакантной

должности в институте Пастера. Это была примерно такая же позиция как и у нее самой в Хопкинсе в лаборатории доктора Уолтера. Ноа радовался, с энтузиазмом собираясь в Париж. Их последнюю прощальную встречу перед его отъездом Ребекка вспоминать не любила. "Мне с тобой было очень хорошо. Ты замечательная женщина, но мне всего 27 лет, мне рано жениться, я не готов нигде осесть. Позиция в Париже – это мой шанс, я не могу его упустить. Давай попробуем жить в разных странах. Если через несколько лет мы увидим, что нужны друг другу, тогда мы все решим. А сейчас... прости". Ребекка не плакала, она улыбалась, уверяя Ноа, что он все делает правильно, что она тоже на его месте так же сделала бы, нет, нет... она не обижается, все хорошо. Он прав... им надо пожить вдали друг от друга, а потом... видно будет". Интересно, поехала бы она с ним в Париж, отказалась бы от выгодного предложения работать в лаборатории Уолтера в Хопкинсе? Наверное да, согласилась бы. Семья важнее. Ноа ничего такого ей не предложил и Ребекка четко поняла, что у него другие планы во всех отношениях, а она приятный, но пройденный этап.

Ребекка ехала домой к родителям с тяжелым сердцем, но уже начав работать в психологической клинике при Центре... в Вашингтоне, совмещая приемы клиентов с работой в лаборатории доктора Уолтера, начала думать, что правильно, что она не связала свою жизнь с Ноа. Для ее теплой любвеобильной семьи он был слишком эгоистичным и жестким,

ориентированным на карьеру, ради которой он был готов на многое, если не на все. Да и любил ли он ее? Наверное да. Просто любовь к женщине вовсе не означала для Ноа семью и детей.

Ребекка уже давно не была робкой, послушной девочкой, она знала себе цену. Молодая профессионалка с докторской степенью из одного из самых престижных университетов мира. Неплохо зарабатывающая, уважаемая на работе, при этом красивая, хорошо одетая, уверенная в себе. Когда-то Ребекка недолюбливала свою фигуру, считала себя слишком толстой. Да, она не походила на современную модель с длинными ногами. Какое там! Ребекка была пухленькой сдобной девушкой, с большой грудью, аппетитно торчащей попой, довольно тонкой талией и круглым лицом, которое украшали большие карие глаза. Она знала, что нравится мужчинам, особенно не очень молодым. Когда она только что пришла работать в лабораторию, на нее положил глаз Люк Дорсье. Как жаль, что Ребекка психолог и видя ювенала, понимает о нем больше, чем другие, чем даже он сам. Люк, такой талантливый, блестящий, веселый, игривый, полный жизни, был в постоянной депрессии, пресыщенный, цеплялся за свою искусственную молодость, не мог допустить мыслей о смерти и боялся конца. Могло ли ей с таким мужчиной быть хорошо? Могло ли ему быть с ней, 25-ей, хорошо? Наверное, могло бы, но только очень временно. "Временно" Люк находил нормальным, а она подсознательно хотела якоря, и нее впе-

реди была вся жизнь, вот только какая: длинная? Короткая? Это надо было решать.

Ребекка часто помогала людям решить этот главный вопрос современности, а ей кто поможет? Ее родители были убежденными натуралами. Обоим чуть за пятьдесят, и них впереди еще долгие годы. У нее даже еще были живы бабушки и дедушки. За восемьдесят, тоже конечно натуралы. Родители свой шанс упустили, для инъекций теперь ввели возрастной ценз. Люди их поколения не делали это рутинно. Процедура стоила больших денег, верующие евреи не видели смысла нарушать волю бога в отношении их жизни. Серьезная психологическая поддержка приняла свои современные формы относительно недавно. Бабушки с дедушками, такие родные, с юмором, постоянной готовностью ее слушать, хвалить, интересоваться ее успехами, скоро умрут. Такова жизнь, с этим Ребекка ничего не могла поделать. Но ей самой надо было что-то решать. Еще не поздно. В их лаборатории молодым натуралом был только Майкл. Он-то делать ничего не будет. Он натурал и останется им.

Сейчас он звонил и приглашал ее в ресторан. Умный парень, эрудированный, очень способный, целеустремленный, увлеченный работой, в чем-то такой же как и она. Конечно Ребекка не рассматривала Майкла как своего потенциально-го молодого человека, в бойфренды он совершенно не годился. Ребекке даже лень было объяснять себе почему. Не годился – и все. Майкл был коллега, товарищ, даже больше,

чем товарищ, приятель, но несмотря на все это, идти с ним в ресторан Ребекке не хотелось. Она наизусть знала все его разговоры. Майкл умел разговаривать только на одну тему, особенно с ней: инъекции безнравственны! Безнравственны, потому что... "Натуралы всех стран, соединяйтесь!" Хватит попустительствовать мерзости, пора организовываться и подниматься на борьбу с противоестественными и отвратительными тенденциями в обществе, их нельзя считать нормой, они мешают развитию цивилизации". Майкл всегда начинал свои разговоры спокойно, был так рассудителен и красноречив, что Ребекка даже находила его логику забавной, но потом Майкл так распалялся, взвинчивался, входил в такой раж, в такое бешенство, что Ребекке становилось не по себе. Пойти послушать его еще раз, может он что-нибудь новое скажет, что поможет ей принять собственное решение? Ребекка решила рискнуть.

– Мам, я не буду ужинать. Майкл Спарк звонил, помнишь его, он меня в ресторан приглашает.

– Какой ресторан, Реба?

Ну, мама в своем репертуаре. Во-первых называет ее детским именем Реба, хотя знает, что ей это давно не слишком нравится, и интересуется названием ресторана, как будто это может иметь какое-то значение.

– Не знаю, мама. Он не сказал. Какая разница?

– Жалко, детка. А во сколько ты придешь?

– Не знаю, мама. Я могу позвонить, если будет еще не слишком поздно.

– Реба, ты же знаешь, что я никогда не ложусь спать пока ты не вернешься.

Вот зачем она ей это говорит? Создать в ней комплекс вины за свою бессонную ночь? Она же все равно пойдет. Такие штучки Ребекку давно не останавливали. Ей уже в который раз пришло в голову, что напрасно она живет с родителями. Все очень мило, мама с папой ее любят и она их тоже, но что-то в этом по нынешним временам не то. Разумеется она всем кажется белой вороной. При чем тут "все"? Ей на всех наплевать или не наплевать? Ребекка почувствовала привычное раздвоение, как будто внутри ее головы сидело два человека и один спорил с другим. Одна Ребекка, добрая, домашняя, привязанная к родителям, уже сонная и расслабленная, не хотела выходить на улицу, садиться в машину и ехать в ресторан. Но другая Ребекка, независимая, совершенно взрослая, внутренне неудовлетворенная своей слишком тихой и благополучной жизнью, недобро усмехаясь, возражала: "Не будь коровой! Кто в 25 лет надевает пижамку с цветочками и ложится в 10 часов вечера в постель, поцеловав на прощанье маму и папу? Тебя позвали провести время – иди! Нет у тебя резона, чтобы сидеть дома". "Завтра рано вставать, ра-

бота... " – робко защищалась "домашняя" Ребекка. "Ничего, встанешь! Работа – это только работа. Нечего работой прикрываться. От того, что ты такая тихая еврейская девочка, от тебя Ноа уехал... так тебе и надо! – напирала Ребекка "взрослая". "При чем тут Ноа. Майк – не Ноа" – пищала "домашняя". "Иди, дура, и то так и состаришься около родителей"

Это Ребекка уже додумывала в машине. Полчаса назад ей ужасно хотелось спать, но сейчас сон совершенно прошел. Припарковав машину в подземном гараже, Ребекка поднялась на пятый этаж высокого здания гостиницы и, очутившись в уютном зале ресторана морской кухни "Вотер Тейбл", практически сразу увидела Майкла. Среднего роста молодой человек, плотный, коренастый, с слегка одутловатым бледным лицом, модная бородка. Круглые очки в роговой оправе делали это лицо довольно интеллектуальным. Хотя, что значит "делали"? Майкл разумеется и был интеллектуалом. Как жаль, что он всегда играет роль борца за идею. Если бы не это, с ним можно было бы хорошо проводить время. Впрочем после Ноа "проводить время" приобрело для Ребекки более широкое значение, чем простой треп в ресторане, а Майкл был не в ее вкусе. Любопытно, что он и сам ни разу в жизни не посмотрел на Ребекку как на женщину. И хорошо... но все-таки немного обидно. Они заказали еду и Майкл немедленно взял инициативу в свои руки:

– Вон сзади тебя, через два столика... компания ювена-

лов... нет, постой... один парень – натурал, а сидит со старой теткой. Смотреть противно... не оборачивайся! Сколько же старуха ему платит?

Ну вот, начинается. Так она и знала: Майкл просто ни о чем другом не может говорить. Не надо было приходить. Все эти жаркие споры двух Ребекк друг с другом и яйца выеденного не стоили. Ребекка пошла на встречу с Майклом в надежде, что его разговоры помогут ей в принятии решения: делать ли инъекцию, и если делать – то какую? Что он на нее смотрит? Надо что-то отвечать?

– Ну, Майкл, подожди. Во-первых никогда нельзя быть уверенным... кто ювенал, кто натурал – этого зачастую не поймешь...

– Ты это серьезно? Ты не можешь понять, кто есть кто? Ты не можешь? Неправда, уж ты-то можешь. В ювеналах есть противная спесь, такая, знаешь пресыщенная спесь на морде: вот, дескать, я какой... любуйтесь, насекомые. Они нас всех считают идиотами, а себя джентльменами духа, интеллектуальной элитой. Нам до них расти и расти... но мы все равно не дорастем. Противно. Секта очаровашек, орден красавчиков. Глаза бы не смотрели.

– Ну ладно... предположим, что мы разбираемся, но тот парень, о котором ты говоришь, он может не знать... Женщина-то, небось, красавица.

Теперь Майкл сидел вполоборота и открыто рассматривал компанию через два столика в другом ряду. Черт, он вести себя не умеет. Лицо его покраснело, глаза наливались злобой, он говорил громче, чем было в таких местах принято. Если бы его рассуждения были только теоретическими, она бы может и не имела ничего против, но он переносил свою ненависть на конкретных людей... Надо что-то сделать, ведь она профессионал. Майкл не любит свой облик, считает себя некрасивым, вот и комплексы... Да, он и вправду так себе. Им принесли еду и Майк начал жадно есть, на время отвлекшись от компании ювенаков. Вечер еще только начинался.

Вторник

Стив

Стив проснулся с ощущением внутреннего беспокойства. Он совсем уж было собрался ехать на работу, но зазвонил телефон и на дисплее высветился номер его старшего сына Джошуа. Что, господи, ему надо в такую рань, в половине восьмого утра? Что-то случилось? Скорее всего, иначе Джошуа не позвонил бы. Он вообще редко звонил, как же как и младший сын Ник.

– Привет, Джош. Что случилось?

– А что, чтобы позвонить отцу, надо чтобы что-то случилось?

– Я просто подумал, что сейчас не самое лучшее время для звонка.

– А когда тебе звонить? Ты вечно на работе или трубку берет твоя молодка.

– Перестань говорить об Алисии в таком тоне.

– Тебе тон мой не нравится? И звонок мой не к месту?

– Хватит, Джош. Просто скажи, что тебе надо?

– Мне-то ничего не надо, это, скорее, тебе надо.

– Что ты тянешь кота за хвост. Что за привычка! Что ты от меня хочешь? Я на работу опаздываю. Если разговор длинный, то давай его отложим на вечер.

Стив чувствовал, что начинает заводиться. Его старшему сыну Джошуа было 69 лет, он был уже на пенсии, оставив пост менеджера среднего звена в фирме по производству пылесосов три года назад. Убежденный натурал, видный член церковной общины, отец троих детей, дед шестерых внуков, Джош давным-давно дистанцировался и от отца и от младшего брата, которые с его точки зрения жили не так, как подобает доброму христианину. И в кого он у него такой правильный уродился? Скучный, унылый, пресный в разговоре, невероятно привязанный к своей рутине, зануда... и это его сын Джошуа. Стив всегда пытался найти в сыне какие-нибудь приятные черты: стабильный, твердый в убеждениях, хороший семьянин и... как бы Стиву ни хотелось считать Джошуа профессионалом, не получалось. Как он когда-то настаивал, чтобы сын пошел учиться на биолога или врача. Не пошел. Стиву казалось, что назло ему, но с годами он понял, что дело совершенно не в этом: Джошуа просто не имел достаточно способностей и целеустремленности, чтобы делать научную карьеру. Какой-то дурацкий диплом MBA... что-то про управление бизнесом. И вот его сын производит пылесосы. Или он их даже не производил, а продавал? Стив вздохнул.

– Ну ты вытелишь наконец в чем проблема? – получилось гораздо грубее, чем Стиву хотелось бы.

– Я просто звоню тебе напомнить, что в пятницу годовщина маминой смерти. Уверен, что ты забыл... забыл и про маму и про меня и про Ника. У тебя теперь другая жизнь, а мы остались в неинтересном прошлом. Мамы уже почти сорок лет нет, а ты все живешь и здравствуешь... У тебя все, видать, впереди, не то, что у нас простых людей... Бедная мама...

Стив завелся с пол-оборота. Опять эта старая песня. Не может он ему, дрянь такая, простить того, что он стал геронтом. Мать умерла относительно молодой, а он живет и живет. Получается, что он эгоист, а мама... "бедная". Как же это несправедливо.

– Это почему это твоя мама "бедная"? Я ее любил, у нее был полный дом, двое детей. Я ей предлагал стать такой же как я, но она отказалась, в этом нет моей вины. Нет моей вины и в том, что она умерла. Что ты хочешь от меня? Хочешь с утра пораньше обсудить мою с матерью жизнь и наши решения? Ты этого хочешь?

– Ты потом быстро женился... а мы с Ником...

– Я не собираюсь обсуждать с тобой подробности своей личной жизни. Это не твое дело. Ты понял?

– Понял, понял. Я в пятницу поеду с семьей на кладбище, зайдем в церковь, можешь к нам присоединиться.

Стив молчал. Мэри умерла почти сорок лет назад. Он редко о ней вспоминал, но вспоминал всегда хорошо. И однако ходить всей компанией с детьми и внуками на кладбище – Стив считал это дурацким спектаклем, в котором он, не силах отказать Джошуа, иногда участвовал, но в эту пятницу об этом и речи не могло быть. Операция закончится только к вечеру. До кладбища ли ему будет? Эту пятницу они ждали много месяцев. Он – руководитель проекта и вдруг уйдет от своей команды в самый решающий момент! Нет уж...

– Джош, я в эту пятницу не могу.

– Что? Это годовщина маминой смерти. Я уверен, ты забыл. Скажи правду, забыл, забыл? Я знаю, что забыл. Но у тебя же есть я, и я тебе напоминаю. Что может помешать приличному человеку не прийти на могилу своей жены в день ее кончины? Хотя для таких так ты, у которых нет ничего святого, это ерунда. Всегда есть более важные дела. Но хоть имей мужество сказать, что ты вообще забыл...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.